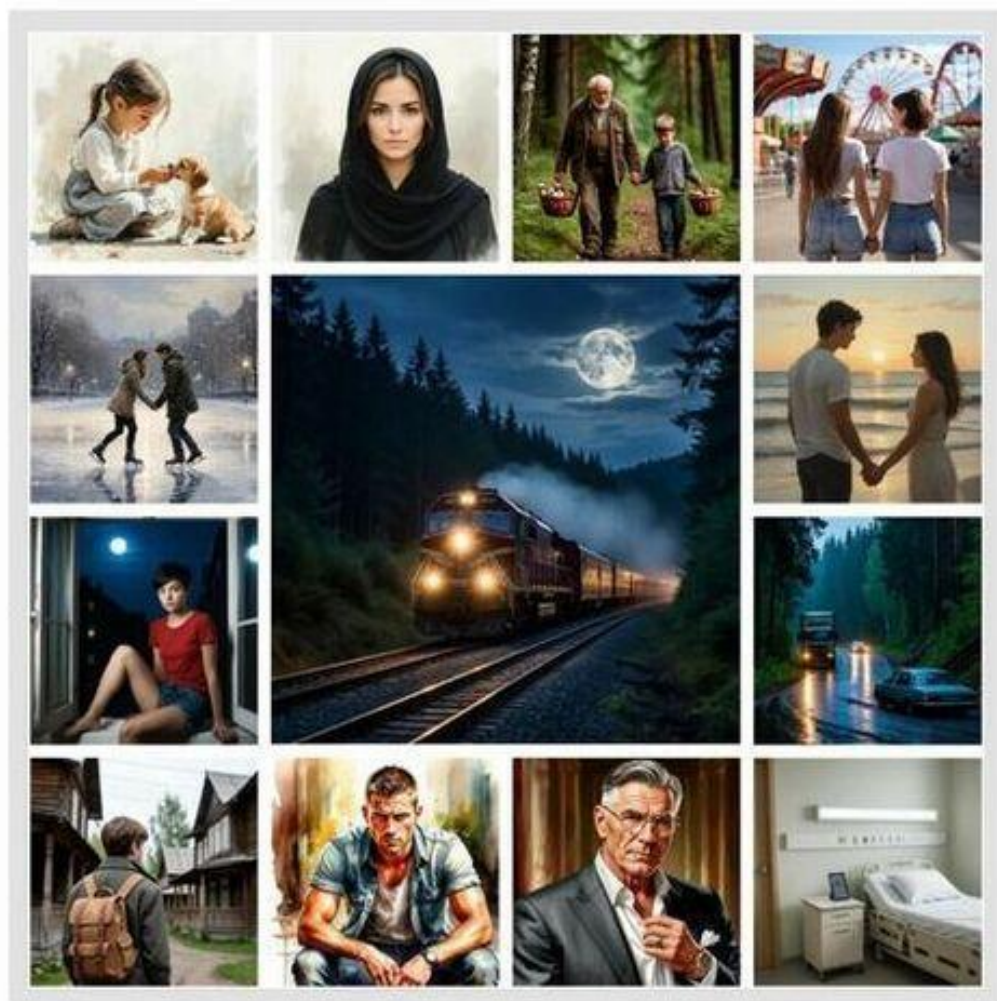

18+ «Транссиб» и другие рассказы

Кирилл Всеволодович Яковлев

Кирилл Яковлев

«Транссиб» и другие рассказы

«Издательские решения»

Яковлев К. В.

«Транссиб» и другие рассказы / К. В. Яковлев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В данный сборник вошли как ранее опубликованные и уже знакомые читателю рассказы — «Ав-ва», «Женя + Женя», «Женщины Василия», «Замоскворецкие каникулы», «Злополучный нож» и «Папка», — так и абсолютно новые: «Два Ивана», «Одноклассник», «Сестры», «Поворот», «Письма», «Транссиб», «Вдова», «Папик» и «Отчим». Произведения о любви, верности, предательстве, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, о связи поколений.

© Яковлев К. В.

© Издательские решения

Содержание

Повести и рассказы	6
АВ-ВА	6
ЖЕНЯ + ЖЕНЯ	11
ЖЕНЩИНЫ ВАСИЛИЯ	26
ЗАМОСКВОРЕЦКИЕ КАНИКУЛЫ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

«Транссиб» и другие рассказы

Кирилл Всеволодович Яковлев

Обложка Нейросеть "Шедеврум"

Иллюстрации Нейросеть "Шедеврум"

© Кирилл Всеволодович Яковлев, 2026

ISBN 978-5-0070-6936-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Герои произведения курят и употребляют алкоголь. Автор напоминает, употребление алкоголя и табакокурение может навредить здоровью и вызывает вредные привычки.

Мнение героя произведения относительно проституции не совпадает с мнением автора, который считает это социальной проблемой, имеющей сложную социальную природу и порождающей ряд негативных последствий, затрагивающих различные аспекты общественной жизни.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

Все иллюстрации в данном произведении выполнены с помощью нейросети Шедеврум.

Повести и рассказы

АВ-ВА

В то время у меня был проект во Владивостоке, который длился более трех лет. Летал я туда и обратно каждый месяц, в «бизнес-класс». Так как на протяжении всего года обычно народу в салоне было мало, я сидел один, без соседей, у окна и мог спокойно во время полета почитать или посмотреть фильм. Если же мне нужно было встать, то никого не приходилось беспокоить.

Было лето, горячий сезон. Самолеты, летающие во Владивосток и обратно, были переполнены. Люди летели кто отдыхать, кто возвращался с отдыха. Кроме того, Владивосток готовился к саммиту¹ и активно строился, что в свою очередь добавило пассажиропоток. Переполнен был не только «эконом», но и «бизнес-класс». Когда я регистрировался, то понимал, что

¹ Саммит АТЭС Владивосток-2012 (англ. APEC Vladivostok 2012) — проходил во Владивостоке со 2 по 9 сентября 2012 года.

один я все равно сидеть не буду, и решил зарегистрировать место в центральном ряду, чтобы если кто-то будет сидеть рядом со мной, мне не пришлось бы перешагивать через него или мне пропускать соседа.

Когда я вошел в самолет, то наш салон был уже почти заполнен. Я устроился на своем месте, приготовил «гаджеты» и ждал взлета, изучая меню системы развлечений. Мне принесли шампанское в качестве приветствия. Я успел сделать несколько глотков, когда к соседнему месту подошел мужчина, высокий и широкоплечий. У него тоже была небольшая борода. Он расположился на своем месте, протянул мне руку и назвал свое имя. В ответ я назвал свое, мы пожали руки и чокнулись бокалами шампанского, которое ему тоже принесли.

— За знакомство! — сказал Олег, — и за бородатых, — и поднял бокал вверх. — Домой или как?

— Работать, — ответил я.

— Саммит?

— Нет, а Вы?

— Я тоже работать и тоже не саммит, — ответил он и улыбнулся. — У нас много общего, за это надо тоже выпить! — и мы опять чокнулись.

Мы взлетели, набрали высоту. Нам стали разносить и раздавать обед. Мне принесли красное вино, мой же сосед попивал «коньячок», как он его называл. Мы практически между собой не разговаривали, каждый был поглощен своими мыслями. Я, пока мы обедаем, хотел посмотреть какой-нибудь художественный фильм, а затем хоть немного поспать, так как самолет прилетал во Владивосток в двенадцать часов по местному времени, что соответствовало пяти часам утра по Московскому, и день получался с разбитой ночью.

Я листал меню фильмов и нашел фильм «Хатико», но он оказался американским с Ричардом Гиром. Я же хотел посмотреть японский², который был снят за двадцать два года до американского, и поэтому я переключился на другой фильм.

— Что, не нравится? Хороший фильм, рекомендую посмотреть, — услышал я своего соседа.

— Да, фильм хороший, я его видел, но хотел посмотреть японский.

— Я смотрел его. Какой-то он затянутый, что ли, мне, одним словом, не понравился. В детстве я смотрел фильм «Белый Бим, черное ухо», ходили мы на него всем классом. Я сидел, смотрел и плакал. А потом тер глаза, чтобы одноклассники не увидели, хотя сейчас я понимаю, что был неединственным таким в классе.

— Я сначала прочитал книгу, потом уже смотрел фильм, поэтому он не произвел на меня такого сильного впечатления. В детстве у меня была книжка, которая называлась то ли «Друг», то ли «Мой друг» сборник рассказов, статей, очерков про собак. Так вот, в ней были описаны истории, похожие на историю Хатико. Это не редкий случай.

— «Твой друг» называлась книга, я помню ее, у меня тоже была такая. Я всегда любил и люблю собак. Если бы не образ моей жизни, у меня обязательно была бы собака, а так приходится довольствоваться общением с собакой у друзей или родственников, — сказал Олег и сделал глоток из своей рюмки. — После того, что произошло в моей семье, я стал еще больше ценить собачью преданность.

Он замолчал, сделал еще один большой глоток коньяка, о чем-то задумался, как бы уйдя в себя, после чего залпом допил рюмку.

Нам принесли суп, и мы попросили добавки.

— Мне было пятнадцать лет, когда у родителей родилась моя сестра, Катя, — начал свой рассказ Олег. — У меня к тому времени уже прошел тот возраст, когда старшие дети ревнуют

² Художественный фильм «Хатико» — 1987, Япония, режиссер: Сэйдзиро Кояма, в главных ролях: Тацуя Накадаи, Каору Ятигуса и др.

к младшим. Кроме того, я считал своим долгом оберегать и защищать Катю, к которой я очень трепетно отношусь до сих пор. Кроме того, я очень благодарен, что у родителей родилась дочь, что они не остались одни, так как сразу после окончания школы я поступил в мореходку и родители с тех пор видели меня всего по несколько дней в году, когда я приезжал к ним на каникулы или, уже позже, в отпуск домой ... — мой сосед прервался, так как принесли основное блюдо.

— Всю эту историю я знаю со слов моих родителей и Кати, что-то я видел сам, но, как я уже говорил, эта история потрясла меня. Кате еще не исполнилось и трех лет, когда наш отец принес домой щенка. Назвать это существо щенком, наверное, было бы слишком сильно. Он был совсем маленький, ему было около двух недель, похоже, что он недавно прозрел. Есть сам он еще не мог, и кормить его нужно было через соску.

Когда Кате показали щенка и сказали:

«Смотри, какая собачка».

Катя сказала: «Ава».

А так как щенок оказался девочкой, то ее так и называли, «Ав-ва».

— Прямо как у Чуковского в «Докторе Айболите» — заметил я.

— Мы даже смеялись по этому поводу, говорили, что, наверное, история имени собаки у Чуковского такая же.

Катя настолько прониклась любовью к щенку, что решила взять на себя все заботы об Ав-ве. Вместе с мамой они готовили ей еду, разводили детскую кашу «Малыш», помните, была такая? — спросил меня Олег.

— Да, конечно, я сам кормил этой смесью свою собаку, когда она была щенком. Эта смесь была очень популярна у собачников, когда выращивали щенков, — ответил я.

Олег сделал еще один глоток и продолжил свой рассказ.

— Они заливали смесь в бутылочку и через соску кормили собачку. Кормление происходило следующим образом: Катя садилась на диван, ей стелили на колени полотенце, клали на ноги Ав-ву. Катя, держа бутылочку со смесью в руках, совала соску в рот щенку. Ав-ва, понимая, что ее будут кормить, хватала соску и с громким чавканьем и причмокиванием начинала есть, от чего Катя заливалась смехом. После того, как Ав-ва наедалась, Катя вытирала полотенцем ей мордочку, в точности так же, как это делала мама Кате. После еды Катя целовала Ав-ву в нос, на что та в ответ облизывала ее лицо. С кормлением поначалу было очень много забот: кормить нужно было часто и по не многу. И только благодаря тому, что мама сидела еще в декрете, с этим справились. К счастью, кормление через соску длилось недолго: ветеринар, который осматривал Ав-ву, сказал, что скоро ее нужно будет приучать к миске. И уже через неделю после того, как Ав-ва появилась в доме, ее начали приучать к миске. Ей налили молока в миску и очень осторожно, чтобы молоко не попало Ав-ве в нос, аккуратно опустили ее мордочку в миску. Ав-ва отдернула голову назад, ее не стали держать, она облизала свою мордочку. После этого ее еще раз окунули в миску. Все повторилось снова. В следующий раз Ав-ва поняла, что от нее хотят, и сама начала лакать молоко.

Вообще, Ав-ва оказалась на редкость умной собакой: до того, как с ней начали выходить на улицу гулять, ей постелили газету, куда она должна была ходить делать свои дела, чтобы не загаживать всю квартиру. Приучилась она к этому очень быстро: когда она садилась, чтобы сделать свои дела, ее сразу относили на эту газету, и буквально после второго раза она поняла, что ходить по делам нужно на газету. Когда она научилась ходить по своим делам на газету, всех поразило еще одно: когда Ав-ва играла с Катей, в какой-то момент она отрывалась от игры, подбегала к газете, садилась на нее, делала свои дела, а затем возвращалась снова к игре.

Время шло, Ав-ва подросла и начала есть сама, однако обязанность кормить собаку осталась за Катей. Все было по-прежнему: после еды Катя вытирала полотенцем мордочку Ав-вы, целовала ее в нос, а Ав-ва в ответ облизывала ее лицо.

С каждым днем привязанности Кати, и Ав-вы становились все крепче и сильнее. Ав-ва спала с Катей, хотя родители поначалу были против этого, но бороться с этим было бесполезно. Дверь в комнату Кати закрывалась, Ав-ва оставалась в коридоре, а утром, каким-то волшебным способом, когда будили Катю, Ав-ва вылезала у нее из-под одеяла.

До того, как Катя начала ходить в детский сад, Ав-ва, как хвостик, все время была рядом с Катей, не оставляя ее одну. С началом детского сада все изменилось: утром Ав-ва провожала Катю до двери, после того как она за Катей закрывалась, Ав-ва продолжала сидеть у двери, уткнув свой нос в щель между дверью и притолокой, вдыхая носом воздух. Неожиданно она резко отбегала от двери и бежала в комнату с балконом, где смотрела через стеклянную дверь на дорогу, по которой Катя шла в детский сад. Когда же Катя исчезала из поля видимости, Ав-ва отходила от балконной двери и шла в Катину комнату, залезала на кровать, ложилась на ее подушку и там лежала до вечера, до того времени, когда Катя должна была вернуться из детского сада. Обычно Катю приводили домой в половине седьмого вечера. Где-то после шести часов Ав-ва вылезала из Катинной кровати и шла к балконной двери, ложилась перед ней, смотрела на улицу и ждала. В какой-то момент у Ав-вы начинал медленно двигаться хвост, затем она вставала на все четыре лапы, повизгивала, ее хвост готов был оторваться от того, как сильно она им виляла. После этого она бежала к входной двери и начинала громко вдыхать воздух в месте примыкания двери и косяка. Хвост ее был неподвижен. В конце концов Ав-ва начинала лаять, вернее, даже не лаять, а издавать что-то среднее между лаем и воем. Ее хвост ходил из стороны в сторону, ее буквально трясло от эмоций. Тут дверь открывалась, и в проеме появлялась Катя. Ав-ва от радости подпрыгивала вверх, пытаясь достать до Катинного лица. Катя приседала, обхватывала руками за шею собаку и целовала в нос, в ответ Ав-ва вылизывала все Катинно лицо. После встречи своей хозяйки Ав-ва не отходила от Кати ни на шаг, она шла за ней умываться, переодеваться, и только тогда, когда Катя шла ужинать на кухню, Ав-ва подходила к своей миске с водой и начинала с жадностью ее пить. Она пила до тех пор, пока миска не оставалась пустой.

Ав-ва выросла обычной дворнягой, размером где-то не больше шестидесяти сантиметров, примерно такого же роста, как боксер. Хвост у нее был закручен кренделем, как у лайки, шерсть длинная, густая, но очень мягкая. Правое ухо у нее стояло, левое стояло только на половину, так, что его верхняя часть была согнута. Если рассматривать ее окраску, то создавалось впечатление, что, когда Господь раскрашивал ее, у Него не хватило красок. Мордочка у нее была в мелкий серый крап с черным носом, от которого шла белая полоска до самой головы и заканчивалась между ушами. Одно ухо было белое, второе черное. Вокруг правого глаза было черное пятно. Все тело было серого цвета с разного размера пятнами белого и черного цвета. Хвост был серый с белым кончиком. Лапы: передние были в белых «носочках», задние лапы: одна целиком черная, а вторая была белая.

Росла Ав-ва, и подрастала Катя, их привязанность становилась все сильнее. Если Катя ложилась на кровать или диван, то рядом обязательно устраивалась Ав-ва. Если в этот момент Катя что-то ела, например, яблоко, чипсы, булочку, то она непременно делилась этим с Ав-вой. Когда Катя пошла в школу и делала дома уроки, Ав-ва ложилась у нее под ногами, клала голову на ее ноги и спала. Когда Катя читала, то самое любимое положение было у них такое: Катя сидела в кресле, поджав ноги под себя, а Ав-ва лежала у нее на коленках. В таком положении Катя одной рукой держала книгу, а второй гладила Ав-ву по голове.

Все произошло, когда Кате было пятнадцать лет, Ав-ва уже была взрослой двенадцатилетней собакой. Мои родители, как всегда, выехали на все лето в поселок, на дачу, а так как поселок находился недалеко от Москвы, то на работу родители ездили оттуда. Ав-ва, когда Катя была на участке, как обычно, не отходила от нее ни на шаг. Если же Катя выходила с участка в магазин или по другим делам, то Ав-ва ложилась у калитки и тихо ждала возвращения своей хозяйки.

После зимы в поселке появились бродячие собаки, которые сбились в большую стаю. Там были собаки разного калибра: от маленьких до крупных. Вожаком у них была огромная черная собака, грозного вида. Эта стая ходила по поселку, пугая детей и женщин; порой и мужчины боялись ходить без палки, особенно ночью. Жители поселка были недовольны: так как уже случалось, что эти собаки задирали кошек, маленьких собачек, также нападали на кур.

Когда стая собак проходила мимо, Ав-ва, если Катя была на участке, абсолютно не реагировала на них, но, если Кати не было дома, и стая проходила мимо их участка, Ав-ва готова была вынести калитку и разорвать каждую собаку, представляющую опасность для Кати.

Утром Катя пошла за яйцами к соседке, жившей через два-три дома. Та держала кур и продавала яйца, за которыми Катя ходила раз в неделю. Ав-ва проводила Катю до калитки и осталась ждать. Она лежала и ожидала, она вдруг напряглась, вскочила на лапы, прислушалась и, как ошалевшая, побежала в сторону соседского забора.

Катя вышла от соседки, держа в руках корзину с яйцами. Улица была пустая. Пройдя несколько шагов, Катя получила удар по ногам сзади колен, от чего упала. Поднявшись, она увидела стаю собак, начавших ее окружать. Они были агрессивны, скалили зубы, рычали и не давали Кате пройти. В этот момент Катя увидела, как Ав-ва набросилась на огромную черную собаку. Ав-ва сбила ее на землю, после чего собаки сцепились между собой. В эту схватку кинулись и другие более крупные собаки. Маленькие собачки, которые тоже были в этой своре, бегали вокруг этой кучи дерущихся собак и заливались лаем. Ав-ва дралась отважно, но понять, кто с кем дерется, было невозможно: это был один большой клубок собак. Катя бросилась в эту кучу, пытаясь отбить и спасти Ав-ву. Она хватала собак и пыталась оттащить их, но у нее не хватало сил. На шум, лай и крик Кати сбежались соседи, и стали растаскивать собак. Когда собак удалось растащить и разогнать, Катя увидела Ав-ву, лежавшую на дороге и тяжело дышавшую. Она была вся в крови. Вокруг места, где была схватка, валялись клочки шерсти и были следы крови. Катя бросилась к ней, наклонилась, поцеловала в морду, гладила по голове и сквозь слезы умоляла встать. Ав-ва лежала не подвижно. Кто-то из соседей поднял ее и на руках отнес на участок, откуда ее увезли к ветеринару.

С Ав-вой ветеринар занимался несколько часов. Все это время Катя сидела в коридоре и рыдала. Она с утра ничего не ела и не хотела даже думать о еде. Поздно вечером, после операции, Ав-ву положили под капельницу; она все еще была под наркозом. Ветеринар сказал, что если утром она очнется, то будет жить.

Всю ночь Катя просидела возле Ав-вы. Ав-ва лежала на операционном столе, рядом на стуле сидела Катя. Она положила голову на стол, ее лицо было около носа Ав-вы; она чувствовала ее горячее дыхание, рукой Катя гладила Ав-ву по голове.

Катя так и не уснула. Уже утром, около восьми, Ав-ва приоткрыла глаза, посмотрела на Катю, едва заметно шевельнула кончиком хвоста и... перестала дышать. — Олег замолчал.

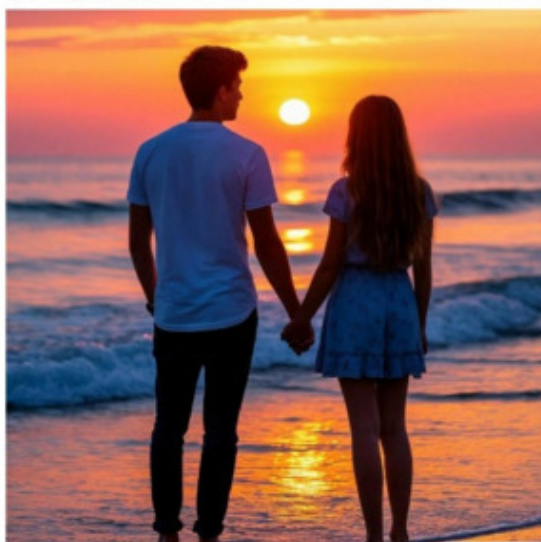
Мы сидели молча.

Олег залпом допил коньяк, поставил рюмку на столик, встал и вышел в туалет.

Когда он вернулся, мы не разговаривали в плоть до посадки.

Олег предложил довезти меня до города, но я отказался, так как меня встречали. Мы вышли из самолета и шли по коридорам аэропорта, а впереди я еще долго видел над толпой людей широкие плечи Олега и его лысину.

ЖЕНЯ + ЖЕНЯ

Евгений Петрович сидел в саду, на своем любимом месте — старой лавочке, вросшей ножками в землю. Только здесь, сквозь деревья, росшие по всему участку, можно было увидеть относительно большой кусок неба и проплывающие по нему облака. Все то время, что он здесь живет — а Евгений Петрович впервые появился здесь еще совсем молодым парнем, которому не было и двадцати пяти лет — лавочка всегда стояла на этом месте, с ножками, вросшими в землю. Этот участок тоже был закрыт со всех сторон деревьями, которые скрывали его от посторонних глаз. За счет большого количества деревьев в саду создавался свой микроклимат: в зной и жару здесь было прохладнее, чем на улице, а в более прохладную погоду — особенно заметно зимой — на участке было теплее, так как деревья не пропускали сюда ветер и холод. Это чувствовалось при выходе с участка или заходе на него. Разница между зноем и прохладой, ветром и спокойствием ощущалась особенно. На участке росли в основном столетние ели, поэтому участок был зеленым даже зимой. За счет берез и кленов, которых тоже было достаточно, участок выглядел особенно красиво осенью, когда листья березы становились желтыми, а листья кленов окрашивались частично в желтый, а частично в красноватый оттенок. Дача была построена родителями тещи в довоенные годы, когда елки, по рассказам тещи, были чуть

выше ее отца. На даче никогда не было ни огорода, ни сада. Единственным исключением был, пожалуй, период войны, когда елки были еще маленькими и не давали тени, а весь участок был перекопан под огород — голод делал свое. Второй период, когда дача использовалась как сельскохозяйственный объект, — это девяностые годы, на даче разводили кур.

Евгений Петрович любил сидеть на этом месте и смотреть на небо, словно сквозь окно, образовавшееся между веток деревьев, — в высоту, на проплывающие мимо облака. Он вообще любил эту дачу, любил этот маленький, тихий оазис среди суматохи и шума неизбежно надвигающегося города, который, словно огромный дракон, пожирал маленькие домики, подходя все ближе и ближе к этому участку. Уже выйдя на улицу, можно было увидеть высотные дома, построенные буквально два-три года назад. Евгений Петрович любил тень, которую создавали деревья, любил эти старые ели, несмотря на массу забот, которые они приносили, засыпая своими иголками все вокруг. Любил запах смолы, иголок, исходящий от них. Он любил это место за то, что оно связывало его с тем, что было ему очень дорого и близко. Кроме того, он понимал, в скором времени это место бесследно исчезнет, как исчезли участки в соседнем поселке, и от осознания всего этого, от близкой гибели этого места, он проникался любовью к участку еще сильнее.

Вот и сейчас Евгений Петрович сидел на лавочке, смотрел сквозь еловые ветви вдаль, на небо, на облака. Он задумался, закурил. Он обдумывал все то, что сказали ему его дочь и зять. Мысли заняли его сознание, он думал о будущем, думал о прошлом, думал о людях, которые здесь были, были с ним, и которых уже нет.

Мысли подхватили его и увлекли куда-то очень-очень далеко от сюда...

— Скажите, пожалуйста, а который сейчас час?

Этот вопрос вывел его из задумчивости. Он автоматически, не глядя на спрашивающего, посмотрел на свои часы, которые показывали без пятнадцати семь.

— Восемнадцать сорок пять, — сказал он и только теперь посмотрел в ту сторону, от куда был задан вопрос.

Он увидел трех девушек, стоявших недалеко от него. Две девушки стояли друг напротив друга, одна из них держала другую за локоть. Третья девушка стояла чуть в стороне. На его ответ две девушки переглянулись, одна что-то сказала другой, и они рассмеялись.

— Спасибо, — сказала одна из них, и девушки опять рассмеялись.

Две девушки постоянно о чем-то переговаривались, смеялись: они явно обсуждали его. Третья девушка, которая стояла рядом, в отличие от своих двух подруг, в обсуждении с ними участия не принимала, так откровенно, как они, на него не смотрела, хотя постоянно бросала взгляд. Когда же он смотрел на нее, она опускала свои глаза вниз. Девчонки ему понравились, он был бы не против с ними познакомиться.

— Поступаете? — спросил он.

— Нет, мы уже учимся, — и две девушки опять засмеялись.

— У нас? — и он указал на здание анатомички при первом медицинском институте.

— Нет, мы из «педа»³, — и они опять засмеялись.

Он все чаще поглядывал на третью девушку, которая выделялась из этой троицы — чем-то она притягивала его взгляд к себе, да и все же понравилась она ему, пожалуй, больше, чем две другие. На ней был легкий сарафан, а ее короткие рыжие косички, которые были, чуть длиннее плеч, привлекали его внимание. Несколько раз, когда он смотрел на нее, их взгляды встречались, и тогда они улынулись друг другу.

³ «Пед» — в советское время на молодежном сленге — Московский государственный педагогический институт — МГПИ.

— Женька, на, держи! — Его толкнул высокий, худой парень в очках с толстыми стеклами, в руках которого была потертая папка, завязанная тесемками. — Что, смотришь? На, держи, читай, но имей в виду: в пятницу вернешь! — И он протянул ему папку.

— Что это? — Не сразу понял Евгений.

— Что — что? Солженицын! Что еще?

— Ты чего орешь? — Спросил Евгений и быстро убрал папку в сумку.

— Да ладно, не дрейфь, все хорошо. Читай, наслаждайся, а мне пора. Пока! — Сказал высокий парень скороговоркой и так же неожиданно исчез, как и появился.

Евгений посмотрел в ту сторону, где только что стояли девушки, но там их уже не было. Оглянулся по сторонам, но их то же нигде не было. Они пропали. Он очень пожалел, что Петька отвлек его — девушки понравились ему, и вполне можно было завязать с ними знакомство. А кроме того, девушки вроде бы тоже были не против, а теперь их нет.

Евгений учился в Первом медицинском институте. На его выбор пойти в медицину большое влияние оказала его тетя — врач, известная в медицинских кругах как одна из лучших врачей-диагностов. К ней обращались за консультацией не только пациенты, но и врачи со всего Советского Союза. Также на выбор повлиял дядя, ее муж — военный хирург, оперирующий в госпитале им. Бурденко.

Евгений был поздним ребенком, ему не было еще трех лет, когда он остался сиротой. Евгения усыновили старшая сестра матери, которой на тот момент было уже пятьдесят пять лет, и ее муж, которому было почти семьдесят. Своих детей у них не было, и когда с родителями Жени случилось несчастье, они, не задумываясь, взяли его к себе. Вопрос об усыновлении очень долго не мог решиться, им везде отказывали, ссылаясь на их возраст, и только после того, как были подключены все связи и после звонка из МГК КПСС⁴, вопрос об усыновлении был решен буквально за один день. До окончания Евгением школы дядя не дожил. Жили они в трехкомнатной квартире, в большом сталинском доме на Русаковской набережной реки Яузы. В их доме, где все было пропитано медициной, одна из комнат была заставлена медицинскими книгами, да и в других комнатах были везде разбросаны книги, журналы по медицине. Все разговоры между тетей и дядей, а также с многочисленными гостями, приходившими в дом, велись исключительно о медицине. Другого пути, как медицинский, Евгений для себя не видел. Евгений закончил пятый курс и перешел на шестой медицинского института, работал на подстанции скорой помощи, где, по мнению тетки, он зарабатывал не деньги, а опыт, который можно получить здесь гораздо больше, чем в любом институте, причем не только медицинского, но и жизненного. К своим двадцати двум годам у него не было постоянной девушки. Были короткие, мимолетные знакомства, но такой, до трепета в груди, той, из-за которой ночи становятся бессонными, такой у него не было. Девушке нужно уделять больше внимания, а этого Евгений дать им не мог: много времени он посвящал учебе и работе. Но самое главное, наверное, не было той, ради которой можно было на это найти время. Периодически эта ситуация начинала его не то, чтобы волновать, скорее огорчать, особенно каждый раз он это чувствовал по окончании очередного курса — весна, пробуждается все вокруг, впереди лето, девчонки снимают уродливую зимнюю одежду и оказываются в платьях. Они словно бабочки, выпорхнувшие из кокона и, расправив крылышки, полетели навстречу солнцу. Обдумывая все это, ругая про себя всеми словами, которые он знал, Петьку, что вот опять произошел «облом», он пошел в сторону станции метро «Фрунзенская». Была суббота, впереди воскресенье, на скорой помощи выходные, учебы нет, можно весь день читать Солженицына, который лежал у него в сумке.

⁴ МГК КПСС — Московский городской комитет Коммунистической партии Советского Союза, в годы Советской власти имел огромную власть не только в г. Москве, но и по всей стране, как столичный комитет партии.

Евгений спустился вниз, дождался своего поезда, вошел в вагон. Народу было мало, садиться на свободные места он не хотел, чтобы потом не вставать и не уступать место, так как следующая станция была «Парк-Культуры», а там, как обычно, могло войти много народу. Он встал у противоположных от входа дверей. Поезд въехал в туннель. Евгению очень хотелось достать папку и начать читать Солженицына, он даже засунул руку к себе в сумку и зажал папку между пальцами, но он прекрасно понимал, что это самиздат⁵, и за такую литературу ему ничего хорошего уж точно не будет, а читать ее в таком людном месте, как метро, и подавно. Он вынул руку из сумки, застегнул молнию, поднял глаза и обомлел. Впереди, у следующих от него дверей, стояла она. Да, да, это была та самая девушка с рыжими косичками. Девушка стояла лицом к нему и, так как она читала книжку, она его не заметила. Евгений, не колеблясь, пошел вперед и подошел к ней.

— Снова здравствуйте, хотя мы еще не здоровались, — сказал он.

Девушка вздрогнула, оторвала взгляд от книги, посмотрела на Евгения и, узнав его, улыбнулась ему.

— Здравствуйте, — ответила она.

— Меня Женей зовут, — сказал он ей.

Девушка снова улыбнулась.

— Меня тоже зовут Женя.

— Надо же! — Сказал он, — так это знак.

— Может быть?

— Что читаете?

— «Американскую трагедию»⁶, — она держала книжку так, что указательный палец лежал в ней между страниц. Книга была прочитана где-то на половину.

— Клайд уже познакомился с Сандрой?

— Да, но он еще с Робертой, а она беременна.

— Там все только начинается.

— Только не рассказывайте, что было дальше, — она улыбнулась и посмотрела Евгению в глаза.

Именно сейчас он заметил, что глаза у нее зеленого цвета, а кончик и крылья носа были покрыты веснушками. «Как солнышко», — подумал он.

— Как хорошо вы знаете произведение, — с удивлением сказала она, — я так все подробно не запоминаю.

— Я тоже не запоминаю, просто я только что прочитал ее, поэтому хорошо еще помню.

Они проговорили всю дорогу, пока ехали до станции метро «Речной вокзал». Он хотел проводить ее дальше, до дома. Но она отказалась, и он поехал обратно к себе в Сокольники, радостный и счастливый. За короткое время их общения он узнал, что Женя в этом году закончила первый курс Московского педагогического института, того самого «педа», что граничит с их анатомичкой. Училась она на филологическом факультете. Узнал, что друг, которые так смеялись, когда он увидел Женю в первый раз, зовут Света и Наташа. Узнал, что он им действительно понравился, узнал, что они учатся все вместе, и их троих отправили работать в приемную комиссию, и сегодня у них был последний рабочий день. Узнал, что Женя живет с мамой и бабушкой. Но самое главное, у него в кармане лежал заветный листок с ее номером телефона.

Когда Евгений приехал домой, первым делом он набрал на телефоне номер с того самого листочка и проговорил с Женей часа два. Они договорились встретиться на следующий день.

⁵ Самиздат в СССР — это способы неофициального производства и распространения литературных произведений, религиозных и публицистических текстов без ведома и разрешения государства.

⁶ «Американская трагедия» роман считается вершиной творчества выдающегося американского писателя Теодора Драйзера.

— Садись обедать, все уже остыло, — сказала Антонина Андреевна и, посмотрев на Евгения, добавила, — о, да, ты, похоже, влюбился.

— Да, ма.

Евгений тетю называл «мама», хотя он знал, что Антонина Андреевна не его родная мать, что его усыновили, тем не менее называл он ее именно мамой.

— Вот я и смотрю, весь сияешь, наконец-то.

— Да, это я про обед, что обедать буду.

— Ну, ну, и я про это, — и она улыbnулась, глядя на него.

Отношения между Женями развивались стремительно быстро, и уже начиная с сентября месяца, следующего учебного года, они по возможности встречались каждый день, хотя бы на час, на полчаса. Они влюбились друг в друга по уши. Звал Евгений свою любимую за ее рыжий цвет волос и веснушки — Солнышко. У него было мало свободного времени, последний курс института, работа на скорой, но, несмотря на все это, они находили возможность встречаться, так как в этом у них была потребность.

Главным врачом станции скорой помощи был Хаджарат Зелимханович, лысый, толстенький, с приличным животиком, маленького роста, сорокалетний абхазец. Он был любимцем всего женского коллектива подстанции, впрочем, вторая половина коллектива, любила его не меньше. За глаза его называли наш Хаджик, он знал об этом и не возражал. По характеру Хаджарат Зелимханович был очень эмоционален, во время разговора размахивал руками, был вспыльчив, но также быстро и отходил. Курил Хаджарат Зелимханович Marlboro, где он доставал эти сигареты, было непонятно, курил он постоянно, складывалось впечатление, что когда он выкуривал одну сигарету, то сразу же закуривал следующую. Разговаривал он несмотря на то, что прожил в Москве больше двадцати лет, с характерным кавказским акцентом. Хаджарат Зелимханович был падок на женщин, не пропускал ни одной юбки, часто заводил интрижки на стороне, но до длительных и серьезных отношений не доводил. Кроме того, Хаджарат Зелимханович всегда считал, что деньги нужно нести в семью, а не тратить на других женщин. Как он любил говорить: «Женщин много, а семья одна». Женат он был на русской женщине — Оксана Леонидовна, его однокурснице. Женился он на пятом курсе института, Оксана была выше него, он доставал ей едва до плеча. Красавица, стройная голубоглазая девушка, за ней бегал весь институт, но выбрала она его, хотя он уже тогда начал лысеть, толстеть и жил в общежитии. Сразу после окончания института у них родилась старшая дочка — Юля, а через полтора года вторая — Оля. Девочки выросли такими же красавицами, как их мать — высокие, стройные, с голубыми глазами. От отца они унаследовали черные, густые волосы, точно такие же, как у абхазской бабки — матери Хаджарата Зелимхановича. У них была смесь русской и абхазской крови. Характером они пошли в мать. Оксана Леонидовна по характеру была кроткой, терпела эмоциональные всплески мужа, его похождения, не работала — посвятила себя мужу и детям и была счастлива. Учились их дочери: одна в школе, в выпускном классе, вторая на первом курсе института. Хаджарат Зелимханович обожал своих дочерей, баловал их и готов был потратить на них все, что можно, но при всем этом девочки выросли абсолютно неизбалованными, что явилось заслугой матери. Хаджарат Зелимханович оберегал своих дочерей от всего, от чего можно уберечь, и, как горный орел, кружился над своими чадами, отгоняя массу ухажеров, старающихся приблизиться к его дочерям. Так как Хаджарат Зелимханович был коммуникабелен, он очень быстро заводил знакомства. Кроме того, у него было правило, перешедшее в привычку, которому научил его отец еще в школе — записывать в книжечку все данные знакомых и друзей, даты их дней рождения, как зовут родителей, бабушек, дедушек, братьев и сестер, их даты рождения, а в дальнейшем — данные супруга, детей и в нужные дни поздравлять человека. «Сделать это тебе не сложно, а человеку приятно», — говорил отец Хаджарата Зелимхановича.

Благодаря всем этим обстоятельствам, Хаджарат Зелимханович имел массу связей, он мог решить буквально любую проблему, не говоря уже о том, чтобы что-то достать. Он мог найти нужного специалиста не только в медицине, но и в любой области: нужен преподаватель, адвокат, нотариус, автомеханик — пожалуйста. Поэтому к Хаджарату Зелимхановичу все всегда обращались с просьбой помочь, в чем он никогда не отказывал и безвозмездно с охотой выполнял.

Очень часто Женя приезжала к Евгению на подстанцию, привозила ему еду, которую готовила сама. Если у Евгения было свободное время, они садились на кухню, ворковали и съедали то, что приготовила Женя. Ее знали все сотрудники подстанции, и, если она приезжала в тот момент, когда Евгений был на вызове, ее усаживали на кухню, поили чаем, кормили печеньем и другими вкусностями, расспрашивали ее, а также нахваливали Евгения.

Жениться они решили после того, как Евгений окончит институт, но свершиться этому не пришлось, так как Антонина Андреевна умерла. К тому моменту Антонине Андреевне было далеко за семьдесят, но, не смотря на свой возраст и больные ноги, она продолжала работать. Добираться самостоятельно до работы она уже не могла: каждый день за ней приезжала санитарная «Волга» из двадцать девятой городской клинической больницы, где работала Антонина Андреевна, а вечером ее привозила обратно. В этой больнице она проработала всю свою жизнь. Пришла она туда еще совсем молоденькой, семнадцатилетней девочкой, санитаркой. Там же она познакомилась и со своим будущим мужем — тридцати двухлетним офицером военной медицины, благо госпиталь имени Бурденко находился по соседству. Именно он, ее муж Петр Сергеевич, настоял, чтобы она поступила в медицинский. Антонина Андреевна была автором статей и нескольких медицинских книг, а так как больница, где она работала, была клинической, то она еще занималась со студентами. Умерла она спокойно и тихо, однажды она просто не проснулась утром. Поэтому свадьбу пришлось перенести на год.

Ординатуру Евгений проходил в той же двадцать девятой больнице, где работала его тетя, занимался он травмами, практики на скорой было предостаточно. Приходить в пустую квартиру ему не хотелось, поэтому он больше времени проводил либо на подстанции, либо в ординатуре. Ребята встречались каждый день, иногда Женя приезжала к Евгению в его квартиру, но никогда не оставалась на ночь, боялась реакции своей мамы.

Шло время, траурный год прошел. Дату регистрации назначили на середину сентября: хотели на начало августа, чтобы к первому сентября, когда у Жени начнется четвертый курс, быть уже женатыми, но все дни в августе были заняты. Так как Женя проучилась все три года на отлично, то сумела договориться, что в сентябре она приступит к занятиям, а затем ее не будет до середины октября. После свадьбы молодые хотели никуда не уезжать, а провести месяц на даче.

Где-то за месяц до свадьбы Евгения к себе в кабинет пригласил Хаджарат Зелимханович.

— Садыс, сказал он Евгению, указывая на стул, — слюший, я узнал, что ты женишься на этой дэвочке, что кормила тэбя. Хорошая дэвочка! Поздравляю, дорогой! — Он подошел к Евгению, обнял его и протянул конверт, — на, это вам! Любви и счастья!

— Спасибо, Хаджарат Зелимханович! Но...

— Эй, замолчи, бэри, купите сэбе с дэвочкой что-нибудь. Но у меня еще одын вам подарок. У меня ест очен хороший человек в Абхазии, так вот он вам предоставляет домик в поселке, но это нэ совсэм поселок, вэрнэе, совсэм не поселок. Там тыхо, очень тыхо. Нэт дискотэк этих, ресторанов. Да, ты вроде это и нэ любишь. Будитэ купатца, загарать, фрукты, оваши кушать. Он вас встретит в Сухумы и довэзет до места. Ты мне скажи, только дату, когда сможитэ полетет, если что бэлеты я достану, нэ переживай, чтобы ему сообщить.

— Хаджарат Зелимханович, я даже не знаю...

— Слющай, ты меня знаещ, я сказал — всё это достаточно!

— Огромное спасибо, но у нас денег нет столько, чтобы...

— Я сказал, что это подарок. Вас встретит человек, зовут его Дядюшка Даур, он вам всё объяснит, что и как. Да, и еще одно: ни каких денэг ему не предлагать, обидити человека! И вообще, про дэньги забудь, обидишь всех и мэня тоже.

Свадьбу решили отметить в узком семейном кругу: мама Вера Ивановна и бабушка Жени — баба Катя, ее подружки — те самые Света и Наташа, да друг Евгения Антон, тоже врач, бывший однокурсник Евгения.

Билеты на самолет купить не удалось, поэтому ситуацию опять спас Хаджарат Зелимханович, используя свои связи. Вылетели молодые в Сухуми через день после свадьбы. Прилетели они в аэропорт Бабушера. В аэропорту они увидели седовласого мужчину, державшего в руках картонку, на которой было написано:

«Друзья Хаджарата».

— Дядюшка Даур? — Спросил Евгений, когда он подошел к мужчине с плакатом.

— Да, — ответил мужчина, на удивление совершенно без акцента, — Женья?

— Да.

Мужчина убрал картонку, обнял Евгения, как родного, похлопав его по спине, обнял Женю и поцеловал ее в щеку. «Друзья моего Хаджаратика — мои друзья», — он взял у Евгения чемодан и сказал: «Идемте».

Они вышли на площадь, где у самых дверей, несмотря на запрещающие знаки, стояла белая «Волга». Дядюшка Даур открыл заднюю дверь машины, она была не заперта: «Садитесь, пожалуйста», а сам убрал чемодан в багажник.

— Вы не запираете ее? — спросил Женья, когда они тронулись.

— Нет, а зачем? Ее никто не тронет, все знают, чья машина, — ответил он.

Женья положила голову на плечо Евгения, а он обнял ее. Не смотря на середину сентября и уже холодную погоду в Москве, здесь, в Сухуми, светило солнце, все ходили в одежде с короткими рукавами, и в той одежде, в которой оказались они, им было жарко. Окошки в автомобиле были открыты, и их обдувал теплый ветерок, а в открытое окно было видно море, такое теплое и такое манящее к себе.

«Вот оно, счастье», — подумал Евгений, — «рядом любимая женщина, море, горы, солнце, впереди двадцать дней отпуска», Он повернулся к Жене и поцеловал ее в голову.

— Вы, наверное, голодные, мы сейчас заедем к моим друзьям, поедем, — сказал Дядюшка Даур.

— Спасибо, мы не голодны.

— Возражения не принимаются, я голодный. Время обеда. Вы же не будете просто так сидеть и смотреть на то, как я ем? Вот и все, вместе пообедаем! — Он посмотрел на молодых через зеркало заднего вида и подмигнул им глазом.

Они свернули с Сухумского шоссе и повернули в какой-то поселок, проехали в сторону моря и остановились у дома с садом. К ним вышел мужчина, поздоровался с Дядюшкой Дауром, они о чем-то переговорили, затем мужчина открыл дверцу «Волги», указал в сторону калитки сада и сказал: «Прошу!»

Они вошли в сад; хозяин усадил Дядюшку Даура и Евгения с Женей под навесом, увитым виноградом с большими созревшими гроздьями, за большой деревянный стол. Только после того, как все уселись, сел сам хозяин. Сразу же две женщины, одна уже в возрасте, а вторая — совсем молодая девушка, моложе Жени — по всей видимости, жена и дочь, — начали приносить и ставить на стол: стаканы, кувшин, как потом оказалось, с вином, большую тарелку с помидорами, огурцами и зеленью, тарелку с разнообразными сырами, лепешки из кукурузной муки — чурек, тарелку с виноградом, грушами и персиками. Принесли закуски: фаршированные орехами баклажаны — абаклажанчапа, долму, соленые болгарские перцы. Хозяин разлил

вино в стаканы: «За гостэй! — За тем он начал говорить, что-то на своем языке, похоже, на абхазском, при этом он разводил руки в стороны, а под конец поднял свой стакан с вином вверх.

— Приходи, да возьми я на себя твои беды! Мы рады всем тем, кто приходит к нам в гости! — начал переводить Дядюшка Даур. — Мы рады подарить вам наше солнце, воздух, море! Пусть дни, которые вы проведете у нас, останутся в вашем сердце навсегда. За вас! — и тоже поднял стакан вверх.

Они все чокнулись.

Пока они пили вино, ели овощи, фрукты и сыр, женщины принесли тарелки с фасолевым супом — акудрца, настолько острым, что Женя даже не смогла его полностью съесть, и ей специально принесли стакан с молоком. Суп доедал Евгений. Затем принесли огромную тарелку с шашлыком из копченого мяса — ажыцаа дзны и хачапури. К концу поедания всего этого принесли вяленую хурму с чаем.

Когда все это было съедено, и они вышли, чтобы ехать дальше, было уже около шестнадцати часов. Солнце светило по-прежнему высоко и было также жарко.

— Ну, что? — Спросил Дядюшка Даур, — поехали или вы хотите искупаться?

Ребята взглянули друг на друга. Конечно, очень хотелось залезть в море, которое было тут рядом, после московского холода, местного жара и душного самолета это принесло бы огромное удовольствие, но купальные принадлежности лежали в чемодане. Нужно было их там искать, во-вторых, нужно было где-то переодеться, в-третьих, показывать себя в купальнике Дядюшке Дауру Жене не хотелось. Поэтому Женя, глядя на Евгения, прищурила глаза и помотала головой, давая понять Евгению, что она не хочет.

— Нет, спасибо, мы лучше на месте, не спеша искупаемся, — ответил Евгений.

— Ну тогда поехали!

Они сели в автомобиль, выехали на Сухумское шоссе и поехали вдоль моря.

«Мы сейчас, когда приедем на место, я вас познакомлю с вашей соседкой — Саидой, она покажет вам, где вы будете жить, все вам расскажет, что и как. Если какие-либо вопросы, все к ней, если вам что-то нужно будет, тоже к ней, если что, она мне передаст. Вообще ни о чем не беспокойтесь и ничего не бойтесь, вас здесь никто не тронет. Все знают, что вы мои гости. Поэтому спокойно гуляйте, отдыхайте» — сказал Дядюшка Даур.

После сытного обеда, выпитого вина, укачивания от дороги Женю разморило, и она заснула, держа голову на плече Евгения. Он обнял ее и прижал к себе. Многие автомобилисты, которые ехали на встречу, либо моргали фарами, либо гудели, а некоторые просто приветствовали их автомобиль взмахами руки, высунутой из окна. Все это указывало на то, что Дядюшку Даура здесь все знают и уважают.

Дорога начала уходить от моря и подниматься вверх, в горы. Евгений тоже начал проваливаться в сон. Автомобиль сбросил скорость и, спустя какое-то время, свернул с главной дороги.

«Почти приехали» — сказал Дядюшка Даур.

Они ехали вниз, через серпантин, к морю. Автомобиль сбросил скорость и свернул в сторону, асфальт закончился, и они поехали по проселочной дороге. Дорога проходила через лес; деревья здесь росли разные: ели, сосны, тисы, грабы, дубы, каштаны, картасы, клены. От тряски Женя проснулась.

— Ой, какая красота, а какой воздух! — Сказала она.

— Это А ... — Дядюшка Даур назвал место, — здесь вы будете отдыхать, здесь действительно очень красиво и замечательный воздух. Если бы не дела, жил бы здесь.

После спуска по серпантину они наконец выехали к морю, где на берегу моря стояло всего три дома.

Они остановились около одного.

«Вот здесь вы и будете жить», — сказал Дядюшка Даур, указывая на небольшой домик с окошком, смотрящим на море. Около дома находился сад, который был огорожен забором, сплетенным из веток — плетнем. Они вышли из автомобиля. В это время из соседнего дома, который был намного больше, вышла женщина лет тридцати в черном платке на голове, она подошла к Дядюшке Дауру, поздоровалась с ним, он обнял ее за плечи и поцеловал в голову.

— Здравствуйте! Зовите меня — Саида, — сказала женщина после того, как подошла к ребятам.

— Женя!

— Меня можно, тоже Женя, — сказал Евгений.

— Женя и Женя, как это здорово, значит, так захотели на небесах! — сказала Саида. — Идем, я тебе все покажу, — она взяла Женю за руку и повела в дом.

По дороге она крикнула в сторону дома, из которого она вышла. Из дома выбежала девочка, ей было лет семь-восемь. Девочка сразу побежала к Дядюшке Дауру. Пробегая мимо, Саиды и Жени, она на мгновение остановилась, кивнула головой в знак приветствия и побежала дальше. Дядюшка Даур в это время открывал багажник своей «Волги», когда к нему побежала девочка. Она радостно закричала, он присел на корточки, обнял ее и поцеловал в лоб. Затем он достал из багажника сумки, что-то он дал девочке, взял сумки и они пошли в дом, откуда выбежала девочка.

Евгений с чемоданом в руке пошел следом за Саидой и Женей.

«Я вам уже все постелила, — говорила Саида Жене. — Еду я тоже принесла: там яйца, молоко, сыр разный, лепешки, помидоры, огурцы, зелень, курицу закоптили, все в холодильнике, увидишь сама. Еду вам будет дочка — Зимана приносить или я сама. Если что нужно, заходи, ты видела, где я живу. Ладно, располагайтесь, отдыхайте, не буду мешать. Да, если нужно позвонить, у брата в третьем доме есть телефон, он правда сейчас на работе, но там его жена, так что не стесняйтесь», — и Саида вышла.

«Пошли, позвонишь маме, а потом распакуемся и искупаемся», — сказал Евгений Жене.

Они вышли на улицу, около «Волги» стояла Зимана, какая-то женщина, приблизительно одного возраста с Саидой, и парень — подросток.

«Здравствуйте», — сказали женщина и подросток.

— Гунала, — сказала женщина, — а это мой сын, Аслан.

Из дома Саиды вышли Дядюшка Даур и Саида. Дядюшка Даур подошел к Гунале, попрощался с ней, подошел к ребятам. «Хорошего отдыха, если что-то нужно, скажите Саиде или Гунале, они мне все передадут. Я сюда еще приеду». Он опять обнял Евгения и Женю. В это время дети прощались со своими родителями.

Дядюшка Даур подошел к Саиде, прижал ее голову к своей груди и поцеловал в макушку. Что-то сказал ей, она ответила ему. Он отошел от нее, открыл дверцу автомобиля, и туда залезли дети. Автомобиль тронулся и спустя короткое время исчез в деревьях.

Место, где им предстояло прожить почти месяц, представляло из себя следующее: открытая площадка, с одной стороны было море, затем шла полоса с мелкой галькой, которая поднималась вверх, а дальше на площади стояло три дома, вокруг них были сады. Заборы, перед садами, были защитой не от людей, а от диких животных, которые здесь были не редкостью. Посреди площади был единственный фонарь, под которым стоял стол с двумя лавками с двух сторон. За площадью начинался лес из сосен. Сам пляж около этого поселения огораживали кусты и сосны, но пляжная полоска уходила дальше за поворот и растения. От домика, где им предстояло жить, до линии моря было не больше пятидесяти метров.

Ребята вошли в дом брата Саиды, чтобы позвонить маме Жени.

После разговора по телефону, когда ребята вышли на площадь, к ним подошла Саида.

— Если хотите купаться, и чтобы вам никто не мешал, идите туда, — она указала в сторону моря, туда, где пляжная гряда заворачивала за деревья. — Вас там никто не будет видеть,

правда здесь и так никого нет, — и она улыбнулась. — Если пойдете туда, на углу к веточке привяжите платок, мы будем знать, что там вы, чтобы случайно вам никто не помешал.

— А куда детей повез Дядюшка Даур? — спросил Евгений.

— В школу они теперь только в субботу приедут, грустно без них, конечно. Если бы не он, я вообще не знаю, как бы выжила, я уже три года как одна, муж погиб. Он был дальнобойщиком, разбился на Севере. Конечно, Сандро — брат, огромное спасибо ему за все, одной с дочкой очень тяжело, хозяйство, куры, козы — выручает, конечно. Вообще грех жаловаться, вокруг меня такие замечательные люди, и все мне помогают. Да, забыла вам сказать, если хотите, приходите сюда ужинать, — она указала на стол, который стоял под фонарем. — Мы в восемь часов, после того как Сандро с работы возвращается, садимся ужинать, он здесь лесничий.

— Спасибо, мы хотим разобрать вещи и искупаться, — ответила Женя.

— Да и сыты еще, нас Дядюшка Даур так накормил, что теперь, наверное, месяц есть не сможем, — сказал Евгений.

— Он может, он такой. Ладно, не буду мешать, — сказала Саида и дотронулась до руки Жени. Отдыхайте.

Ребята вошли в сад, который находился слева от дома. Посреди сада росло огромное инжирное дерево, тень от которого покрывала почти весь сад. Под деревом стоял небольшой столик с лавкой. Дальше, в конце сада, около заборчика и начала леса, находились два домика: в одном углу с черным бензобаком от какого-то грузовика — душ, а в другом углу — туалет. Между ними был кран с рукомойником. Вот и все удобства. Вход в дом находился в тени дерева. Справа от входа был шкафчик с газовыми баллонами. Сам дом был из двух комнат: маленькая, около входа, где располагалась кухня с двухкомфорочной плитой, рабочим столом, над которым было окошко, смотрящее на море, и холодильником. Вторая комната была сразу за кухней, вход в которую был напротив кухонного окна. Спальня была раза в три больше кухни, в спальне стояла большая кровать и шкаф для вещей. Над изголовьем кровати было окно, смотрящее на лес. Оно было как раз напротив кухонного окна, поэтому, если открыть два окна, то ветер продувал весь домик, и в нем не было жарко.

Ребята распаковали чемодан, нашли быстро купальные принадлежности, переоделись и пошли купаться.

Все время медового отпуска проходило у молодых следующим образом.

Утром Женя просыпалась раньше Евгения, где-то часов в шесть, вставала, кипятила чайник, собирала завтрак: клала в корзинку яйца, сыр, лепешку, овощи, затем заваривала кофе, клала все это в корзинку и часов в семь шла будить Евгения. Они выходили из дома и шли на пляж возле дома, где они жили, а иногда в то место, которое им показала Саида. Когда они шли туда, то Женя привязывала платок на кустик и шли дальше. Действительно, это место, где они купались, было скрыто от посторонних глаз, так как со всех сторон закрыто зеленью, здесь они часто купались и загорали голышом. Кроме того, в этом месте деревья подходили очень близко к воде, и в тени от их крон можно было спрятаться от солнца. Там же они и завтракали. Возвращались домой где-то в два часа дня, где их уже ждала корзинка с едой, они обедали, как правило, салатом из помидоров, огурцов и перца, выпивали вино и ложились спать. Просыпались ближе к пяти часам вечера и шли опять купаться, либо здесь же, либо в свое уединенное место, купались до тех пор, пока солнце не начинало садиться в море. Ужинали они или со всеми вместе за общим столом, или просто шли к морю, садились на берег, пили вино, ели сыр и мечтали о будущем. Смотрели на звезды, уходящие вдаль, в море.

Спать ложились они поздно, уже далеко за полночь, под шум прибоя.

Они были вместе, они были молоды, они были счастливы, и впереди у них была вся жизнь.

Они провели двадцать замечательных дней, которые пролетели как одно мгновение. В Москву они вернулись отдохнувшими, загорелыми, а Женя — беременной. Евгений продолжал работать в больнице и на скорой помощи, а Женя — учиться. С Хаджаратом Зелимхановичем Евгений после поездки сошелся еще ближе, они стали дружить семьями, он стал называть его просто по имени, и они стали бывать друг у друга в гостях. Особенно подружились его дочери Юля и Оля с Женей, разница в возрасте у них была небольшая.

В конце июня Женя родила дочь, которую назвали Лизой.

Все лето и раннюю осень Женя и Лиза прожили на даче у Веры Ивановны, куда каждый день после работы приезжал Евгений. В октябре все перебрались в трехкомнатную квартиру на Русаковскую, где одну комнату выделили под детскую.

Прошло время, Лиза росла, начала ходить в детский сад, Женя вышла из декрета и закончила институт, Евгений окончил ординатуру и думал о поступлении в аспирантуру, а также они задумались о втором ребенке.

В то утро Женя отвела Лизу в детский сад, а сама поехала к своей маме, нужно было забрать письма, которые пришли по адресу ее прописки. На обратном пути Женя вышла из метро «Сокольники» и решила пройти пешком. Стояла хорошая весенняя погода, светило солнце, снег и лед начинали подтаивать, и по мостовым и тротуарам бежали первые весенние ручейки. Женя шла по улице Стромынка в сторону реки Яузы и собиралась повернуть направо на Первую Боевскую улицу. Она остановилась на перекрестке, чтобы перейти Стромынку, и ждала зеленого сигнала светофора.

Женя так и не поняла, что произошло.

Грузовик, который двигался в сторону метро «Сокольники» от Матросского моста, неожиданно начало крутить, водитель потерял управление, и автомобиль выбросило на тротуар, где стояла только Женя. Всей своей массой он ударил ее, а после этого переехал колесами.

Евгений закончил смену на скорой помощи. Вышел с подстанции и решил пройти пешком. Он любил, если было время, пройти пешком по улице Артабекова к набережной, вдоль набережной до Матросского моста, по нему перейти Яузу и дальше по родной Русаковской до дома. Он шел, не спеша, подставив лицо весеннему солнцу, когда около него резко остановился автомобиль.

— Бистро садысь! — Услышал он голос Хаджарата.

— Что случилось?

— Садысь! Все потом объясню.

Евгений сел в «Шестерку»⁷ и Хаджарат резко тронулся.

— Звониль Эдик, знаешь, наш врач, он привез Женечку, послэ аврии, она очен плоха. Я как узнал сразу за тобой поехал.

Они всю дорогу гнали, Хаджарат нарушил все правила движения, которые только можно было нарушить. Но они опоздали, Евгений не успел. Женя, его Солнышко, была уже мертва. Она, как потеряла сознание еще там, на Стромынке, в сознание уже не приходила.

После похорон Евгений отвез Лизу к Вере Ивановне на дачу, куда она перебралась из московской квартиры, которую стала сдавать. Это происшествие очень сильно повлияло на Евгения, он целыми днями был на работе, хотел отключить мысли от произошедшего, но не получалось. Он снова закурил. К дочке он приезжал на выходные, которых у него становилось все меньше и меньше.

Так прошло лето, осенью Лиза должна была пойти в школу, и для этого нужно было либо ее возвращать в Москву, либо оставлять у бабушки и в школу идти в поселке. Решили, что Лиза в школу пойдет на следующий год, а этот проведет на даче с бабушкой. Евгений продолжал работать целыми днями, а дочь видел лишь изредка.

⁷ «Шестерка» — Шестая модель Жигулей — как называл народ ВАЗ-2106, популярную модель.

Была снежная зима, до Нового года оставалось еще недели две. Евгений приехал к Лизе раньше, чем обычно. Лиза гуляла на участке, что-то копала совочком в снегу. Когда Лиза увидела Евгения, она отбросила свой совок в сторону и с криком: «Папуля!» побежала к нему.

— Папа, папочка, — задыхаясь от счастья, говорила она.

Лиза схватила Евгения за руку и прижала ее к своей щеке: «Ты приехал, как я рада».

Евгений присел на корточки, обнял Лизу и поцеловал ее.

— Мы с бабушкой такую снежную бабу слепили, — продолжала говорить Лиза, — идем, я тебе покажу.

У Евгения защемило сердце, он увидел перед собой Женю, его родную Женю, но совсем еще маленькую. «Как она выросла, а я дурак, этого не вижу», — думал Евгений. «Все работа да работа, надо жить ради дочери». Евгений встал, взял Лизу за руку.

— Пошли, покажешь вашу Снежную бабу, — сказал Евгений.

Они вышли за калитку, и буквально в паре шагов от нее стояла большая снежная баба, чуть больше Лизиного роста. Она была именно такой, как рисуют в книжках. На голове бабы было надето ведро, нос был из морковки, а глаза из сосновых шишек (где их раздобыла зимой Вера Ивановна, не понятно), в руке она держала метлу.

Всю ночь Евгений не мог заснуть. Вставал, ходил, курил, мысли не давали спать. Весь следующий день Евгений провел с Лизой. Уехал в Москву он поздно вечером последней электричкой, после того как Лиза легла спать и, проговорив часа два с Верой Ивановной.

С утра Евгений, придя на работу, зашел к Хаджарату Зелимхановичу.

— Хаджарат, привет! — Сказал Евгений, войдя в кабинет к начальнику.

— Евгений, дорогой, заходы, садыс, слюшаю тебя. Говори!

— Отпусти в отпуск с завтрашнего дня, хочу с дочкой побыть.

— Слова нэ малчика, а отца! Давно пара, а то, как эта большая курица — страус, засунул голову в работу и думаешь, так правильно. Э, завтра нэт, сегодня иди, ты уже в отпускэ, считай. Все, заявление напиши, а сам к дочери.

— Спасибо, дорогой!

— Э, пэрестань, дочке, эй отец нужен, понимаешь, а не доктор, хотя доктор тоже, — и рассмеялся.

Евгений решил провести отпуск с Лизой, а заодно обдумать все по поводу работы. Ему пришла мысль пойти врачом в районную поликлинику. Твердый график, выходные дома.

Евгений провел отпуск с Лизой, они играли в снежки, гуляли по поселку, ездили в Москву в Лужники на «Елку», куда билеты достал Хаджарат Зелимханович. За время отпуска Евгений провел время с Лизой гораздо больше, чем за полтора года, прошедших после гибели Жени. По окончании отпуска, Евгений твердо решил, что уйдет из больницы и со скорой помощи, и устроится в районную поликлинику.

В конце отпуска Евгений с Лизой пришли к Хаджарату домой в гости. Юля и Оля весь вечер проиграли с Лизой; Евгений проговорил с Хаджаратом и Оксаной о том, что он собирается бросить науку и уйти в районную поликлинику, чтобы быть ближе к дочери. Хаджират не соглашался, говорил, что Евгению нужно жениться, такому гениальному врачу бросать науку нельзя.

После долгих споров Оксана встала и пошла в сторону двери комнаты.

— Пойду посмотрю, как там девочки. — Около самой двери, развернувшись, — а ты, — Оксана направила указательный палец в сторону своего мужа, — завтра снимешь трубку телефона и решишь эту проблему! — И закрыла за собой дверь.

— С женщиной не поспоришь, — сказал Хаджират и развел руки в стороны.

За долгие годы совместной жизни Оксана Леонидовна поняла, что спорить с Хаджаратом бесполезно, если уж он что-то решит, то его уже не переубедить и не сдвинуть с его точки зрения. В этом случае с ним нужно согласиться, а уже потом, постепенно, очень аккуратно

подвести его к тому решению, которое нужно Оксане. При этом Хаджират считал, что это именно его решение. Лишь иногда, и только в исключительных случаях, когда времени ждать не было, нужно было действовать жестко и бескомпромиссно, Оксана не давала мужу возможности даже возразить. Сегодня был именно тот случай, и поэтому Оксана так категорично и поступила. Это, безусловно, злило Хаджирата, но его любовь к жене была сильнее, и такие ее поступки он расценивал как маленькие женские капризы, которые нужно ублажать, что он и делал, чувствуя себя при этом настоящим благородным мужчиной.

Через неделю Евгений стал работать в детской районной поликлинике, которая обслуживала район, где находился его дом, хирургом. Переход на новую работу был оформлен как перевод, отрабатывать положенный срок ему не пришлось.

Работа, по сравнению со скорой помощью, в поликлинике была тихой и спокойной. Евгений имел возможность приезжать на выходные к дочери. Было решено, что Лиза до сентября будет жить у бабушки на даче, а в сентябре пойдет в школу в Москве.

Весть о том, что в поликлинике работает хирург-мужчина, да к тому же вдовец — отец одиночка облетела район молниеносно. Отцы-одиночки у женщин находятся на особом месте. Что ждать от мужчины-вдовца или разведенного, это еще загадка, которую нужно разгадать. Другое дело мужчина-одиночка, он привык все тянуть сам: и работу, и хозяйство, и ребенка. О таком муже можно только мечтать. По этой причине у его дверей постоянно были очереди матерей-одиночек, пытавшихся таким образом завести знакомство. Но к нему шли еще и потому, что Евгений действительно был замечательным врачом, и слух о его профессионализме быстро разошелся по всему району. Данное обстоятельство, естественно, увеличивало желающих попасть к нему на прием.

Относительно знакомств Евгений сам был не против, все-таки живой человек. Но искать долгих серьезных отношений он не хотел: во-первых, Евгений невольно сравнивал их с Женей, а во-вторых, не хотел травмировать Лизу. Конечно, он понимал, что ребенку, а особенно девочке, нужна мать, но вот именно матери для Лизы среди женщин, с которыми приходилось ему общаться, хотя они были безусловно хорошие, он не видел.

Время шло, Лиза подрастала. Вера Ивановна умерла, и теперь, когда Евгений с Лизой приезжали на дачу, то там они были только вдвоем. Их любимым местом была лавочка, которая с возрастом вросла ножками в землю еще глубже. Они садились на эту лавочку, клали на колени географическую карту и компас, и смотрели сквозь пространство между кронами деревьев на облака. В начале Евгений, а позже Лиза, смотря на карту, и компас, называли города, которые предстоит пролететь облакам, или какие города они уже пролетели. Когда облачности не было или наоборот, облака висели густо над землей, они просто сидели на этой лавочке, Лиза прижималась к папе, и они разговаривали долго обо всем, о маме, о том, как они вместе жили, как познакомились, Евгений рассказывал о своей работе на скорой помощи и многом другом. У них не было секретов, Евгений всегда старался вести себя с Лизой как со взрослым человеком. Позже, когда Лиза подросла, они садились на эту лавочку, Лиза по-прежнему прижималась к отцу, клала ему на плечо голову, и они вдвоем смотрели на небо. Они любили сидеть на лавочке, пить чай и разговаривать, делиться своими мыслями, и проблемами. Иногда просто сидели, и молчали, глядя на облака, и каждый думал о чем-то своем. О том, что Лиза влюблена, она сообщила Евгению так же на этой лавочке, хотя это Евгений понял гораздо раньше, по ее выражению лица, по ее сиянию.

Лиза вышла замуж, и они стали жить с мужем отдельно, Евгений остался в трехкомнатной квартире один. У Лизы с ее Николаем родился сын, которого они называли Женей, в честь деда и бабушки.

Когда Евгений ушел на пенсию, он переехал жить на дачу, а квартиру отдал детям.

Как-то вечером за ужином Лиза сказала Евгению: «Папа, Николаю предложили возглавить филиал в Хабаровске, дали полгода на раздумье».

— Если вам нравится, если хотите, то в чем проблема?

— В тебе. Ты поедешь с нами?

— Нет, я здесь останусь, ты же знаешь, Лизок. А вы съездите, узнаете, как там, может быть, вам там не понравится, а вы уже скажете «да», а может быть, наоборот. Поезжайте в отпуск, а Женьку, если хотите, оставьте мне.

Сегодня настал тот день, когда Лиза и Андрей вернулись из Хабаровска и сообщили, что они согласятся, если он не будет против.

— Конечно, соглашайтесь, если вам там все понравилось и вас это устраивает.

После ужина Лиза мыла посуду, Николай пошел погулять с Женей. Евгений, как всегда, пошел на свою любимую лавочку. Последнее время он все чаще приходил сюда, садился и смотрел вверх на небо. К нему подошла Лиза, принесла ему кружку чая, села рядом с ним. Положила свою голову ему на плечо, Евгений обнял ее.

— Папуля, ты расстроился, что мы уезжаем? Но это еще не скоро, пока оформление, это займет месяца четыре. Ты только скажи, и мы возьмем тебя с собой.

— Нет, я останусь здесь, а вы поезжайте, это ваша жизнь.

Лиза встала и пошла мыть посуду. Она смотрела на отца через окно кухни.

«Он все курит, как он постарел, — про себя говорила Лиза. — Нет, все, я решила, его одного здесь я не оставлю, сегодня же поговорю с Колей, он у меня умный, все поймет, а папу я уговорю, я это умею».

Евгений Петрович откинулся на спинку лавки, затянулся сигаретой, закрыл глаза и думал о превратности судьбы:

«Все, что было связано с Женей и отдыхом в Абхазии, все исчезло. Первой ушла Женька. Дядюшку Даура застрелили буквально в первый день Грузино-Абхазского конфликта⁸. Саида, ее дочка и Гунала погибли, когда в дом Саиды попал снаряд. Брат Саиды, Сандро, погиб на войне, их сын Аслан пропал без вести. Хаджарат Зелимханович, наш Хаджик, умер за своим рабочим столом с сигаретой в руках, даже бригады врачей, которые были на подстанции, не смогли его спасти. Домик, милый домик, в котором мы жили в свой медовый месяц, тоже не уцелел, а большое инжирное дерево сгорело. Ну, вот, наверное, и все. Лиза выросла, она сама уже мать. У нее замечательный муж и он прекрасный отец. У них своя самостоятельная жизнь», — размышлял Евгений Петрович.

— Ах, Женя, Женя, моя милая, дорогая Женечка, мое Солнышко, как же мне не хватает тебя, — произнес Евгений Петрович в слух.

Он сделал большую затяжку, задержал на какое-то время дым в легких и медленно выпустил его.

Над головой Евгения Петровича поднялся дымок.

«Милый, просыпайся! Ну, давай, просыпайся!»

Евгений открыл глаза. Он лежал в комнате их маленького домика в Абхазии. Через окошко над головой дул ветерок, а из окна на кухне слышно было море.

— Давай вставай, там такие классные волны! — Перед ним стояла Женя, она протянула ему руку. — Вставай!

Он вскочил с кровати и подошел к Жене. Она была в том самом легком сарафане, в котором она была, когда они познакомились, а ее рыжие волосы заплетены в две косички. Евгений обнял Женю и прижал ее к своей груди.

— Солнышко, — сказал он, — как я тебя люблю!

⁸ Вооруженный конфликт между грузинскими и абхазскими вооруженными силами в 1992—1993 годах.

— Я тебя тоже люблю!

Они поцеловались. Затем Женя взяла его за руку и повела за собой.

— Ну, пошли, — сказала она.

Они вышли из спальни, прошли через кухню, оказались в саду под большим инжирным деревом, вышли из садика и пошли к морю. Они шли, держась за руки, затем они, посмотрев друг на друга и не отпуская рук, побежали к воде.

Они были вместе.

Они были молоды.

Они были счастливы и впереди у них была вечность...

ЖЕНЩИНЫ ВАСИЛИЯ

Василий Павлович Черепанов, еще будучи просто Васей, учеником 10 класса, 6-й средней школы города Мытищ, не мог предположить, что, войдя в кабинет химии, произойдут события, которые кардинально изменят всю его дальнейшую жизнь.

На последней парте, в углу класса, там, где Василий уже полгода сидел один, он увидел девушку с большими глазами и черными волосами, заплетенными в две густые, длинные косы.

— Привет, — сказал Василий, подойдя к парте и бросив сумку на стол. — Новенькая?

— Привет! Да, — ответила девушка.

— Василий, — представился он и сел на стул рядом.

— Света.

Светлана со своими родителями переехала в Мытищи из далекого поселка Лимбяха под Новым Уренгоем, от куда перевели служить ее отца.

Василий влюбился в Свету, «по уши» и с первого взгляда. С того дня он не отступал от нее ни на шаг. Свете нравилось, что она произвела такое впечатление на парня, но ответной реакции с ее стороны не было. Она держала его на расстоянии, каждый раз отказывая, но и не говоря — «нет». Она давала понять, что нужно подождать, и тогда, возможно, что-то будет.

У Василия был очень хороший характер. Он с детства был терпеливым, спокойным ребенком. Если ему в чем-то отказывали, он спокойно ждал. Василий был трудолюбив, гото-

вый работать целыми днями, если это нужно для работы. Он был упрям, но его упрямство проявлялось в хорошем — в достижении цели. Если он ставил себе цель, то добивался, пусть и не сразу, но четко шел к поставленной задаче и в итоге достигал ее, добиваясь иногда этого годами. Единственное, что портило его характер, а, возможно и жизнь — это эмоциональные вспышки, при которых Василий порой не мог себя контролировать. Происходили они, к счастью, редко. В детстве это было пару раз: в первый, когда его кто-то сильно обидел, он схватил игрушку и ударил оппонента по голове. К всеобщему счастью, игрушка была резиновая и не могла причинить вреда. Второй раз, когда произошел какой-то конфликт, лицо Василия вдруг побелело, и он с лопаткой в руке бросился на обидчика, тогда его успел удержать отец. С Василием долго занимались психологи, и в итоге он научился управлять своими эмоциями.

Василий всегда был здоровым, спортивным парнем. В школе его побаивались по двум причинам: первая, это — его сила, вторая — вспыльчивый характер.

Весть о том, что за Светкой ходит Васька, быстро разлетелась по школе, и мальчишки боялись даже взглянуть на нее, не говоря уже о том, чтобы подойти и заговорить.

Светлане нравилось, что Василий злился, когда к ней кто-то подходил, и она, назло ему, пыталась кокетничать. Но когда они замечали взгляд Василия с его налитой злобой глазами, охота отвечать на кокетство пропадала, и они отходили. Василий терпел все выходки Светланы и продолжал ждать. Они вместе закончили школу. На выпускном Светлана впервые позволила Василию себя поцеловать. Поступать вместе с ним в «Лестех»⁹ она отказалась, решив поступать в педагогический институт в Москве. Василий каждый день после учебы приезжал на станцию «Мытищи», встречал Светлану из Москвы и провожал ее до дома. Светлана проучилась полгода; наступила зима, ей надоело ездить рано утром в холод в Москву, и она забросила учебу. Родители были против того, чтобы она сидела дома без дела, и, по примеру соседки, закончив курсы парикмахера, пошла работать в салон в соседнем доме. Василий все это время учился и не переставал идти к своей цели — добиваться Светланы. К этому времени Светлана сдалась, допустила Василия к себе, он даже оставался у нее ночевать, когда родителей не было дома. Но Василию нужно было больше: он хотел жениться на Светлане. Светлана считала его нищепродом, ей нужен был мужчина, способный обеспечить все ее капризы.

После окончания института Василий устроился в компанию, занимавшуюся продажей леса. Стал зарабатывать деньги и предложил Светлане переехать вместе с ним в съемную квартиру, тем самым сделав еще один шаг к замужеству. Светлана согласилась. Они сняли двухкомнатную квартиру в Мытищах в районе Олимпийского проспекта и стали жить вдвоем.

Как-то утром, за завтраком, Светлана сделала Василию подарок.

— Ты хочешь, чтобы я стала твоей женой? — спросила она Василия.

— Да, — ответил он, чуть не захлебнувшись кофеем.

— Я буду твоей женой, но при одном условии: я, в качестве жены, должна войти в квартиру, которую ты купишь нам. И никак иначе.

— Хорошо, — ответил Василий.

— Можешь уже начинать зарабатывать деньги.

Василий практически не вылезал с работы, стал ездить в дальние командировки, где находил возможности для дополнительного заработка.

Он вымотался, осунулся, высох. Его мышцы стали еще больше от тяжелой физической работы, но он, как вол тянул свою лямку. С того разговора прошло два года. Из очередной командировки Василий должен был приехать на два дня позже, но автобус, на котором должен был ехать Василий из поселка до станции, сломался и к намеченному дню его не починили бы. Другого способа, уехать не было, поэтому он поехал на грузовике компании, но на два дня

⁹ «Лестех» (Лесотехнический институт) — МЛТИ (Московский лесотехнический институт). Сегодня это Мытищинский филиал МГТУ имени Н. Э. Баумана.

раньше. Предупреждать Светлану он не стал, решил сделать ей сюрприз. Было раннее утро. Василий сошел с первой электрички из Москвы. Он не стал ждать автобуса, а пошел от станции пешком, идти было не далеко. Солнце только начинало всходить и приятно грело спину. Он любил это время суток. Людей на улице еще не было, а если кто-то и встречался, то спешил на работу, в отличие от него, который сейчас придет домой.

«Светлана, конечно, еще спит, она никогда не просыпается рано. Сейчас я разденусь и лягу в кровать рядом с ней. Светлая, теплая от сна, такая вся уютная и желанная», — Василий был счастлив и представлял, как обрадуется Света. Его грудь грел конверт с деньгами — последняя сумма для покупки квартиры. Квартиру они уже присмотрели, не далеко от Олимпийского проспекта, хоть и на втором этаже, зато трехкомнатная, как этого хотела Света.

«Покупаем квартиру и под венец», — постоянно повторял внутренний голос.

Василий тихо открыл дверь, чтобы не будить Светлану. Вошел в квартиру и поставил сумку. В этот момент он интуитивно почувствовал что-то недоброе. У него сложилось впечатление, что в квартире кто-то есть. Было такое ощущение, будто чей-то чужой запах присутствует здесь, и тут он увидел чужие мужские ботинки под вешалкой, рядом с которыми он только что оставил свои. Какая-то чужая куртка висела на вешалке, куда он повесил свою. Василий, не желая верить в худшее, подошел к спальне, дверь в которую была открыта.

В спальне, на кровати, на их кровати, лежала его Светлана. Ее обнаженное тело было едва прикрыто одеялом. Ее голова покоилась на груди не накрытого одеялом мужика, который голый лежал на спине. Вокруг кровати была разбросана одежда. Не понимая, что происходит, Василий бросился к спящему мужику и со всей силы нанес ему один сильный удар в висок. Раздался хруст. От толчка кровати Светлана проснулась, подняла голову, увидела Василия, машинально отдернулась от мужика, затем, бросив на него взгляд, схватилась руками за голову и закричала.

Мужчина был мертв.

За все время нахождения Василия в следственном изоляторе, в период следствия и рассмотрения дела в суде, он каждый день писал Светлане письма, в которых просил простить его за «дурацкую ревность», что во всем виноват он сам, так как не уделял ей должного времени, а она — молодая, красивая женщина, требующая внимания. Ни на одно его письмо Светлана не ответила. Все деньги, которые Василий заработал на квартиру, она забрала себе. Когда родители Василия приехали к Светлане и попросили помочь решить проблему, которая случилась с Василием, она ответила: «Он эту проблему создал сам! Пусть сам и разрешает, а я тут ни причем».

За год, что шло следствие и суд, Василий увидел Светлану только один раз, когда ее допрашивали в суде в качестве свидетеля.

— Я не считаю, что у Василия Павловича были причины, наносить удар потерпевшему, тем более такой силы, — сказала она.

На Василия она даже не взглянула, хотя он не сводил с нее глаз. То, что она говорила, Василий не слышал, он пожирал ее глазами и любовался ею. За этот год она стала еще красивее.

Несмотря на то, что защита просила переквалифицировать действия Василия на статью 107 УК РФ¹⁰, его признали виновным по части 4 статьи 111 УК РФ¹¹ и назначили ему наказание — восемь лет лишения свободы.

¹⁰ Статья 107 УК РФ — убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. За данное преступление предусмотрено наказание в виде исправительных работ, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

¹¹ Часть 4 статьи 111 УК РФ — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. За данное преступление предусмотрено наказание: лишение свободы на срок

Наказание Василий поехал отбывать в Коми, в колонию строгого режима.

Шли годы, постепенно Василий стал остывать от Светланы и перестал писать ей письма. Он опять ушел весь в работу. Работал он на деревообработке, благо специальность помогла. Через три года отбытия наказания его, как добросовестного работника, перевели в колонию-поселение, где он должен был отбывать оставшиеся пять лет.¹² Работал он на лесопилке, в стороне от поселка, где находилась колония-поселение. Василий всю неделю жил и работал на лесопилки, в поселок в колонию-поселение он возвращался на выходные так как путь был неблизкий. В колонии-поселении он отбыл еще три года, после чего был условно-досрочно освобожден¹³. Отсидев в общей сложности шесть лет, Василий вышел на свободу, оставив в колонии, как говорят сидельцы, два года.

Василий не стал возвращаться назад в город Мытищи, да и возвращаться было некуда. Родители, пока он сидел, умерли. Что там с квартирой, он даже не знал и не хотел в это вникать. Выйдя на свободу, он решил оставить все прошлое там, в прошлом. Работал он все так же на лесопилке, где и жил. Работал он без выходных, да и не к чему ему они, все равно заняться было нечем. Иногда он ездил в поселок закупаться продуктами и другими необходимыми вещами. В поселок с деньгами затариваться отправляли исключительно его, как единственного непьющего мужика. Вот как раз в этом поселке, в магазине, он и познакомился с Клавдией, сорокалетней одинокой женщиной, старше него всего лишь на семь лет. Детей у нее не было, муж в день свадьбы напился и попал под поезд, так что вместо медового месяца она занималась похоронами мужа.

Приезжая в поселок, Василий закупался продуктами, оборудованием и шел ночевать в местную гостиницу, откуда с утра выезжал обратно на лесопилку, чтобы приехать туда засветло, так как путь был не близкий. В очередной свой приезд Клавдия предложила Василию пойти к ней, а не ночевать в гостинице. За эти годы Василий соскучился не только по женской ласке, но и по домашним «белым» простыням. После этой ночи Василий каждый раз, приезжая за провизией, останавливался у Клавдии. Постепенно он стал чаще приезжать в поселок и не только по делам.

Денег Василий зарабатывал много, но тратить их здесь было не на что. Однажды владелец лесопилки, который работал с ними наравне, отвел Василия в сторону.

— Послушай, Палыч! — Сказал он и выпустил дым от сигареты. — Ты мужик надежный, не пьющий.

— Короче, не тяни резину, куда нужно ехать? — Спросил его Василий.

— Не торопи. Ехать никуда не нужно. Я вот что, — он опять глубоко затянулся, задержал дым и, не спеша выпуская его, сказал — я собрался продать эту богадельню, надоело.

— А мы куда? — Задал вопрос Василий.

— Ты не понял, я хочу предложить тебе купить ее.

— Андреевич, так сходу такие дела не делаются. Надо обмозговать все. Прикинуть.

— Хорошо. Не буду торопить. Но не затягивай. Мне моя плешь уже проела. Хочет уехать отсюда.

Через две недели они подписали все документы, и Василий стал хозяином лесопилки. С момента, как это произошло, в жизни Василия ничего не изменилось: забот стало больше, но доход хоть и прибавился, но не настолько, чтобы окупать проблемы.

до пятнадцати лет.

¹² На основании ст. 78 УИК РФ, в зависимости от поведения и отношения к труду в течение всего периода отбывания наказания осужденным к лишению свободы может быть изменен вид исправительного учреждения.

¹³ На основании ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Отношения Василия и Клавдии продолжались, он каждый раз оставался у нее. Иногда в поселке задерживался на несколько дней, Клавдия закрывала магазин, и все это время они были вместе.

Василий уезжал на лесопилку на несколько дней, бывали случаи, когда оставался там даже на несколько недель. Свою очередную поездку на пилораму Василий планировал на две недели, но случилось непредвиденное: буквально через три дня после приезда порвался ремень привода, и Василий поехал в поселок за ремнем. Так как выехал он после обеда, то в поселок Василий приехал поздно ночью. Все давно уже спали, и ни в одном окне не горел свет. Василий подъехал к дому Клавдии, поднялся на второй этаж барака и своими ключами открыл дверь.

Квартира, в которой жила Клавдия, была однокомнатной. Войдя в квартиру, Василий заметил, что на кухне горит свет, и направился туда, чтобы выпить воды. На столе стояла открытая бутылка водки, две стопки и две грязные тарелки.

Василий быстрым шагом прошел в комнату, где они спали с Клавдией, и включил свет. На кровати спали Клавдия и ее сосед Петр. От яркого света они проснулись. Петр еще не отошел от сна, не понимая, что произошло, смотрел на Василия. Клавдия вскочила с кровати и, как была голая, подбежала к Василию.

— Васенька, прости! — И попыталась обнять его за шею.

Василий отдернул ее от себя и, замахнувшись, попытался нанести ей удар кулаком в лицо, но в последний момент разжал кулак и ударил ее ладонью.

Клавдия от удара упала на кровать, изо рта потекла кровь.

Клавдия вытерла рукой губы.

— Сволочь! — Сказала Клавдия, вставая с кровати. — Тебе это так не пройдет! — Она надела на себя халат, подошла вплотную к Василию и сказала, — пошел вон отсюда!

Василий вышел на улицу и пошел ночевать в гостиницу.

Василий не стал раздеваться, а прямо в одежде улегся на кровать.

В дверь постучали.

— Да? — Спросил Василий.

— Открывай, полиция! — Услышал он за дверью.

Василий встал, открыл дверь. В коридоре стояли два сотрудника.

— Поехали, — сказал им Василий и вышел в коридор.

Ночь Василий провел в обезьяннике, а утром его повели в кабинет.

В кабинете за столом, судя по погонам, сидел капитан полиции.

— Ну что, захотел на зону вернуться? — без приветствий сразу спросил он.

— Нет, — ответил Василий.

— Зачем бабу свою избил?

Рядом у стенки на диванчике сидела Клавдия. Помимо опухшей губы, у нее был заплывший правый глаз и синяк на шее.

— Значит, так, у меня нет времени. Договаривайся с ней, если не договоришься, то готовь вещи. У тебя два года за пазухой уже есть, — капитан встал и вышел в коридор.

— Я не буду ходить вокруг да около. Ты отписываешь мне пилораму, и мы все это забываем. Да, и ты валишь отсюда куда хочешь, чтобы я тебя, гада, больше не видела. Договорились? Если нет, ты слышал, что капитан сказал. — проговорила Клавдия.

— Клавдия, какая зона? Я только губу тебе разбил.

— Да, а это что, по-твоему? — И она показала на свое лицо и шею.

— Но это не я.

— А ты докажи, у меня свидетель есть. Короче, или ты сейчас все отписываешь мне, или я иду в травмпункт снимать побои, а ты на зону.

— Ладно, черт с тобой, забирай. Сука!

— Не ругайся! — Сказала она и, повернув голову к двери, крикнула, — капитан!

Вошел капитан.

— Что?

— Он согласен.

Через два дня после того, как Василий привез документы, они в районном центре у нотариуса подписали купчую и разошлись.

Василий в райцентре устроился работать на деревоперерабатывающий комбинат. Жил он в общежитии.

Прошло два года. Как-то осенью, был вечер выходного дня, шел дождь. Василий проходил мимо железнодорожного вокзала.

— Вася! — услышал он.

Он остановился и оглянулся.

Под фонарем он увидел Клавдию. Она стояла в куртке, под зонтиком. Василий отвернулся и хотел пойти дальше.

— Вась, подожди.

Он не пошел, но и поворачиваться не стал, а остался стоять. Клавдия подошла сзади сама. Взяла его за руку.

— Прости меня! — Услышал он. — Дура я, не умела ценить то, что дорого!

Василий повернулся и посмотрел Клавдии в глаза. Они были мокрые, от слез или дождя.

— Я здесь в гостинице остановилась. Давай зайдем, поговорить надо, под дождем как-то не то.

Они вошли в номер. Это была небольшая комната с одной кроватью, тумбочкой и одним стулом.

Василий сел на стул.

— Ну, о чем говорить?

Клавдия упала перед ним на колени, обняла Василия за ноги и заревела.

Ночь они провели на узкой односпальной кровати.

Василий вернулся к Клавдии. Они опять стали жить вместе. Лесопилка, которая досталась Клавдии, пришла в упадок. Василий неделями пропадал там, чтобы наладить производство. Когда он возвращался к Клавдии, то они тоже неделю не выходили из квартиры.

Через год работы пилорамы они вышли в ноль. Долги были все погашены. Мужики позвали Василия на рыбалку на несколько дней. Он согласился.

Вернулся Василий в полночь. Войдя в квартиру, он понял все сразу, а вернее, услышал. Характерный стон Клавдии он узнал сразу. Не раздеваясь, с рюкзаком на плече, Василий влетел в комнату, где все увидел сам.

В порыве злости Василий выхватил из рюкзака топорик и обухом нанес по голове Клавдии, повернутой к нему спиной, удар.

Клавдия замертво упала.

Вся эта история — не плод моего воображения. Эту историю мне рассказал человек, который отбывал наказание вместе с Василием. Василий сидел за убийство Клавдии. Эту историю он услышал из первых уст, от самого Василия. Какая дальнейшая судьба у Василия, мне не известно.

Я позволил себе придумать имена героев, дать названия местам, где происходили события, так как я этого не знал.

Когда я услышал эту историю, она очень сильно впечатлила меня, и я решил, что обязательно нужно ее описать. Я долго думал над этими событиями. Как так: человек трижды

«наступает на одни грабли», получается, что он не извлекает уроков из того, что с ним происходит. Где он находит таких женщин? Почему, будучи обманутым одной женщиной, он прощает второй женщине не только обман, но и предательство?

Но самое главное, я пришел к вопросу: а нужно ли быть таким упертым и добиваться того, что тебе не дается сразу?

Не добивался бы он тогда Светланы, все могло бы сложиться совершенно иначе.

Хотя...

Кто знает?

ЗАМОСКВОРЕЦКИЕ КАНИКУЛЫ

Посвящается молодым людям, «голодным» и «озабоченным», какими все были мужчины когда-то.

Я ехал на своем автомобиле по Озерковской набережной вдоль отводного канала по своим делам. Мне нужна была организация, которая находилась в Старом Толмачевском переулке. Я свернул в Озерковский переулок и поехал в сторону Большой Татарской улицы, и тут я увидел его. Тот самый дом. Я включил правый поворотник, остановился и вышел из автомобиля. Я стоял и смотрел на этот дом. «Как давно все это было?» — подумал я. Я глазами нашел окна на четвертом этаже. «Вот та самая квартира. Интересно, кто там сейчас живет?»

Я достал сигарету, закурил и предался воспоминаниям.

Эта история произошла в самом начале первой половины восьмидесятых годов двадцатого столетия.

Наступило лето, я, тогда еще студент Московского института стали и сплавов¹⁴, сдал все экзамены за второй курс. Мы, десять человек из нашей группы, собрались поехать в стройотряд¹⁵, чтобы за два летних месяца отдохнуть от учебы, наплаваться, а заодно заработать деньги.

¹⁴ МИСИС современное название — Университет науки и техники.

Мы с моим другом Сергеем решили, что я выселяюсь из общежития и переезжаю к нему в квартиру. После чего, через три дня мы поездом выезжаем в Краснодарский край, в Тимашевск, а оттуда автобусом до станицы Роговской, где в районе реки Кирпили должны будем строить животноводческую ферму. Выселившись из общежития, я на метро от станции «Беляево» по прямой линии доехал до станции «Новокузнецкая»¹⁶, в районе которой и проживал Сергей.

Сергей жил со своим братом и родителями в центре Москвы, в трехкомнатной квартире на четвертом этаже пятиэтажного дома на углу улицы Землячки¹⁷ и Старого Толмачевского переулка. Его родители — пенсионеры, с апреля по октябрь жили на даче, и если бы там был зимний водопровод, то они жили бы там круглый год. Его брат, Александр, работал в каком-то «почтовом ящике»¹⁸ и постоянно разъезжал в командировки по всей стране; дома он появлялся редко и ненадолго. По этой причине мое трехдневное пребывание у Сергея никому не должно было помешать. Меня постелили в зале, как ее называл Сергей — большая комната, где спали их родители, на раскладном диване.

Однако моим планам на то лето осуществиться не удалось: вместо поездки в стройотряд, лето я должен был провести в квартире Сергея с гипсом на ноге, что обещало испортить все каникулы. Хотя тогда я и не мог предположить, что именно из-за этого самого гипса, который я проклинал, для меня то лето сложится самым замечательным образом.

Чтобы не тратить в пустую время до отъезда в стройотряд, мы с Сергеем решили покатайся по центру Москвы на велосипедах. Сергей дал мне свой велосипед, а сам взял велосипед своего брата. Мы объехали с ним все улицы и переулки Замоскворечья¹⁹. От улиц Валовой и Житной²⁰ до набережных Раушской и Мориса Тореза²¹ в одну сторону и от Крымской набережной до набережной Максима Горького²² в другую.

Погода в Москве в июне была не жаркой, температура была не больше двадцати градусов, что для велопогулоков было замечательно. В поездку мы выезжали утром, а возвращались лишь поздно вечером, часов в одиннадцать. Еду мы брали с собой: чай в термосе, вареные яйца и бутерброды. Накатавшись по Замоскворечью в последний день перед отъездом, мы решили поехать на «Воробьевы горы». Ехать решили по Озерковской, Овчинниковской и Кадашевской набережным отводного канала до стрелки Москвы-реки к «Парку культуры и отдыха имени Горького», а через него в «Нескучный сад» и там уже на «Воробьевы горы».

Проехав весь этот путь, накатавшись по «Воробьевым горам» и снизу, и сверху, от Мосфильмовской улицы, мимо киностудии «Мосфильм» по Воробьевскому шоссе и улице Косыгина, мы доехали до площади Гагарина к домам, которые в свое время строил Солженицын²³. Эти дома были мне интересны тем, что похожие есть в Минске, откуда родом моя мама и

¹⁵ ВССО — Всесоюзный студенческий строительный отряд. Началом Движения студенческих отрядов считается 1959 год, когда 339 студентов-добровольцев физического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова во время летних каникул отправились в Казахстан, на целину.

¹⁶ Станция метро «Новокузнецкая» Калужско-Рижской линии метро в ноябре 1983 г. была переименована в «Третьяковскую».

¹⁷ В 1992 г. возвращено прежнее название Большая Татарская улица.

¹⁸ Почтовый ящик (П/Я) — (Предприятие п/я № такой-то) — официальное, служебное наименование заводов, предприятий и организаций оборонного характера. В почтовом адресе не было названия, а лишь номер.

¹⁹ Район в центре Москвы. Назван так потому, что находится напротив кремля, на другом от него берегу Москва реки.

²⁰ Улица Валовая происходит от слова вал, является частью Садового кольца, в районе Павелецкого вокзала. Житная улица, так же является частью Садового и проходит от Калужской (Октябрьской) площади до Серпуховской.

²¹ В 1992 г. возвращено название Софийская набережная. Софийская и Раушская набережные расположены на другом берегу реки от Кремля и парка Зарядье, тогда на его месте располагалась гостиница Россия.

²² Сегодня она называется Космодамианская набережная.

²³ Дома 30 и 37А по Ленинскому проспекту на площади Гагарина. Дома почти симметричны. В 1945—1946 годах А. И. Солженицын, в то время заключенный, трудился на строительстве дома №30. Похожие дома стоят в Минске на против железнодорожного вокзала перед улицей Кирова.

бабушка. Минские дома я видел каждый раз, когда приезжал в Минск к своей бабушке. Московские дома находятся на Ленинском проспекте, где так же располагается мой институт, но в стороне от него, и я всегда хотел посмотреть на них, но не получалось, так как каждый раз, выйдя из института, я входил в метро на «Октябрьской» и ехал к себе в общежитие в Беляево.

Прокатившись вдоль них, мы по Ленинскому проспекту решили доехать до Октябрьской площади²⁴, мимо нашего института, а оттуда — через улицу Димитрова²⁵, к улице Большая Полянка и переулками домой. Но закончить эту прогулку без приключений не удалось. В районе Президиума Академии наук СССР²⁶ я неудачно упал и сломал себе лодыжку на левой ноге. На этом моя поездка закончилась в травмпункте Первой городской больницы, которая, к счастью, находилась недалеко от места моего падения. В результате я должен был провести полтора-два месяца в гипсе.

Дорогу в травмпункт и домой следует описать отдельно. Сергей помог мне сесть на велосипед: я сидел на нем, одной рукой держался за руль, второй — держал второй велосипед. Сергей шел с противоположной стороны, держал велосипед, на котором я сидел, и толкал его вместе со мной. Обратный путь был таким же. Домой мы пришли уже за полночь.

Ехать к себе домой в Брянск на поезде с гипсом на ноге — перспектива не самая лучшая, и Александр, который этим вечером вернулся из командировки, любезно предложил на все это время остаться у них в квартире. Родителям я не стал сообщать о своем переломе, чтобы их не беспокоить; сообщил лишь, что ситуация изменилась и я до конца лета буду в Москве. Они отправили мне деньги, на которые я должен был жить все это время. На следующий день после обеда Сергей уехал, а я остался на попечении Александра, который через две недели должен был уезжать в командировку снова. Чтобы я мог нормально передвигаться, Александр откуда-то притащил костыли, и я мог хотя бы спокойно двигаться по квартире. Я переехал в комнату Сергея, где расположился на полутора спальной кровати. Все эти две недели у нас с Александром выработалось своего рода соглашение: Александр обеспечивал продуктами, а я готовил.

Готовить меня научила бабушка. Моя белорусская бабушка считала, что каждый человек должен уметь готовить, без разницы, мужчина или женщина.

«Неизвестно, как сложится жизнь и где ты окажешься. Умение готовить пригодится тебе всегда», — говорила она, когда мы с ней вместе готовили различные блюда.

Спасибо ей, умение готовить очень пригодилось мне в общежитии, когда буквально из ничего я готовил обед, и мои соседи по комнате, нахваливая меня, говорили, что я могу приготовить еду даже из пустоты.

Понимая, что мне нужно больше кальция, Александр покупал мне кисломолочные продукты, а по выходным ходил на Пятницкий колхозный рынок²⁷ возле метро «Новокузнецкая» и покупал мне овощи. Там же он покупал свиные уши или рульки, из которых я варил холодец. Когда Александр уезжал в командировку, он сказал мне, что так вкусно, как я его кормил эти дни, он ел только у родителей. Чтобы я не умер с голоду, Александр забил холодильник продуктами и договорился с соседкой, что каждый день она будет приходить ко мне и приносить молочные продукты и хлеб.

Дверь за Александром закрылась, и я остался один в большой квартире. Наступил июль, который принес в Москву зной. В доме шел ремонт, и снаружи он был весь обложен строительными лесами. Лифт в доме то работал, то нет, его постоянно то включали, то выключали,

²⁴ В 1992 г. площадь была переименована в Калужскую.

²⁵ В 1992 г. переименована в Большую Якиманку.

²⁶ В Советское время располагалась в здании Александровского дворца.

²⁷ На его месте сейчас находится РТК «Пятницкий».

поэтому я не рисковал выходить на улицу, чтобы не остаться там внизу на костылях. Окна во всех комнатах и кухне были открыты настежь, что давало хоть какое-то движение воздуха.

В этот же день, когда уехал Александр, где-то около восьми часов вечера, в дверь квартиры позвонили. Я поковылял на костылях к двери. Когда я ее открыл, то увидел миловидную женщину лет двадцати пяти — тридцати, с очень хорошей фигурой. На ней было надето легкое летнее платье на пуговицах, чуть выше колен, с пояском, что подчеркивало ее талию. Верхние пуговицы платья были расстегнуты, что придавало ей пикантность. Ее вьющиеся волосы волнами спадали до плеч.

— Здравствуйте, вы ...? — И она назвала мое имя.

— Здравствуйте. Да, — ответил я.

— Я, Анастасия, можно просто Настя. Меня Александр просил вам помочь, вот — и она протянула сумку с продуктами.

— Спасибо, — ответил я и попытался взять сумку.

— Ой, извините, я что-то не подумала, — сказала она. — Можно я занесу к вам сама.

— Да, конечно, — ответил я.

Настя прошла на кухню, достала продукты из сумки и убрала все в холодильник.

— Если вам что-то нужно, ну, там постирать, убратся — не стесняйтесь, я помогу. Мне не тяжело. Ребяенок у родителей, мужа нет, так что времени у меня достаточно.

— Спасибо, но я справляюсь, — ответил я.

Я проводил ее до дверей, и когда закрывал их, Настя сказала: «Если вам будет скучно, звоните, приду поболтаем, я живу напротив», — и она протянула мне бумажку с номером телефона.

Прошла неделя с тех пор, как я остался один в квартире. Заняться было нечем. К счастью, в родительской комнате была большая библиотека, и я целыми днями, а точнее ночами, читал.

Распорядок дня у меня был следующий: просыпался я где-то в четырнадцать часов. Вставал, шел принимать душ. Принятие душа по началу было целой эпопеей: я залезал в ванную, ногу в гипсе оставлял за ее пределами и в таком положении, полусидя, мылся. После душа я завтракал, если еду в это время дня можно было назвать «завтраком», затем готовил еду на обед и ужин и начинал читать. Читал я до четырех часов утра, когда карканье ворон²⁸ оповещало о наступлении утра. После этого я шел опять принимать душ и ложился спать. Весь июльский зной я просыпал. С двух часов дня, так как было еще жарко, я ходил в одних трусах и только перед приходом Насти надевал шорты. Шорты я изготовил себе сам: взял свои брюки, отрезал от них брючины и подшил. Получились вполне себе шорты. Самое главное — удобно было их надевать, так как нога у меня в стопе не гнулась.

Настя приходила ко мне каждый день, приносила хлеб, молочные продукты и сигареты, если в них была необходимость. Так же она выбрасывала мусор, который я оставлял за дверью перед тем, как пойти лечь спать. Единственное, когда Настя ко мне не заходила — это были дни с пятницы по воскресенье. В пятницу она уезжала к родителям и к дочери, а возвращалась в воскресенье вечером.

Была очередная ночь, время было уже за полночь. Я сидел на кухне у настежь открытого окна. Читал, курил, пил кофе. Стояла июльская ночь. За окном была тишина. Улица Землячка в то время была тихой и спокойной. Из магнитофона, который стоял на столе, звучал Deep Purple: «Smoke on the Water»²⁹.

— Доброй ночи! Извините, пожалуйста! — Услышал я чей-то голос и вздрогнул от неожиданности. — Я здесь, в окне.

²⁸ Интересно, что очень долго в Москве первыми пробуждающимся птицами были вороны. Где-то в двухтысячных годах ситуация изменилась: ворон стало меньше, да и утро стало начинаться с щебетания птиц.

²⁹ Smoke on the Water — в переводе с английского «дым над водой». Песня рок-группы Deep Purple, записанная в декабре 1971 года и впервые выпущенная в альбоме Machine Head в марте 1972 года.

Я посмотрел в окно. С уличной стороны, на строительных лесах, на корточках сидела девушка и смотрела на меня. Помост лесов находился на одном уровне с подоконником.

— Извините, у вас не будет сигаретки? — Спросила девушка.

— Доброй ночи! — Ответил я, — да, будет!

— Передайте, пожалуйста!

Я показал на свои костыли.

— Залезайте сюда!

Девушка ловко залезла в окно и спрыгнула с подоконника.

— Курите на здоровье! — съязвил я, протягивая пачку сигарет. — Кофе хотите? Только наливать нужно самой, а я вот ... — и вытянул ногу в гипсе.

— Ого! — Выпалила девушка. — А за кофе спасибо, с удовольствием.

Она положила растворимый кофе в чашку, залила кипятком, села напротив меня и закурила.

— Хорошую музыку слушаете, — сказала девушка. — Я тоже люблю Deep Purple.

Девушка была одета в красную футболку и шорты. Шорты были короткими, что их можно было скорее назвать трусами, чем шортами³⁰. У нее была короткая, мальчишеская стрижка. На вид она была моей сверстницей, но, может быть, на год или два старше меня.

Мы проговорили с ней всю ночь. За это время она выяснила обо мне, наверное, все, что только можно: как меня зовут, где учусь, от куда я, как сломал ногу и так далее. О девушке я узнал лишь, что ее зовут Ира. На все мои вопросы она или уклончиво отвечала, или уходила от ответа, или вообще игнорировала вопрос и начинала говорить о чем-то другом. Уже ранним утром она встала из-за стола, сказала, что ей пора, вылезла в окно и исчезла.

— Если вы не против, я завтра приду, — сказала Ира, всунув в окно лишь свою голову.

На следующий день, а вернее ночь, я снова сидел на кухне и читал. Часы на моей руке пикнули. Я бросил на них взгляд, они показывали четыре нуля.

— Привет! — Услышал я и увидел, как Ира спрыгнула с подоконника.

Она была одета, так же, как и вчера, в ту же футболку и те же шорты.

— Привет! — Ответил я.

— Я вот тут принесла кое-что.

Ира поставила на стол бутылку шампанского и торт.

— Кури, — сказала Ира и протянула блок сигарет.

— Чего так много?

— Выкурим! — Ответила она.

Я взял, открыл, достал пачку Явы.

— О, «Явская»!³¹

— А то! — С гордостью ответила она.

Ира достала тарелки, стаканы, после чего села напротив меня. Я открыл шампанское и разлил его. Мы опять разговаривали, пили шампанское из стаканов, ели торт и курили.

— А чего, мы все на «вы»? — В какой-то момент спросила Ира.

Она встала, подошла ко мне со своим стаканом.

— Наливай!

³⁰ В последующим Ирины шорты назвать короткими было бы неправильно, шорты стали на много короче.

³¹ В Советское время в Москве было две табачные фабрики: «Ява» и «Дукат». Каждая из этих фабрик выпускала сигареты «Ява» в мягкой упаковке. Сигареты «Ява» фабрики «Дукат» популярностью не пользовались, а вот фабрики «Ява» наоборот были очень популярны и даже в дефиците. В то время ходил даже анекдот: «На заседании МГК КПСС в перерыве к директору табачной фабрики „Ява“ подходит директор „Дуката“. — Слушай, что ты кладешь в свою „Яву“, что ее покупают, а мою нет? — Очень просто: пятьдесят процентов табака, пятьдесят процентов дерьма, — ответил директор „Явы“. — А, так ты еще и табак добавляешь!»

Я разлил шампанское, мы взяли стаканы в руки, как берут, когда хотят выпить на «бру-дершафт», и выпили.

После чего Ира наклонилась ко мне и поцеловала меня в губы. Ее губы были влажными и одновременно горячими. Она обхватила своими губами мои губы и втянула их себе в рот. Затем ее язык раздвинул мои губы и стал изучать мой рот. К своим девятнадцати годам у меня не было девушки, я никогда так не целовался, целовался, но не так. Были подружки, но дальше держания за руку, поцелуя в щеку и иногда просто в губы, дело не заходило. Все эти процедуры, которые устроила со мной Ира, возымели свое действие, и это стало заметно через мои шорты.

Ира оторвалась от поцелуя, встала.

— Где у тебя спальня? — Спросила она.

— А зачем? — Не понимая вопроса, спросил я.

— Сам дойдешь или помочь? — Не обращая внимания на мой вопрос, сказала она.

— Дойду.

Я встал, взял костыли и поковылял в спальню. Войдя в спальню, Ира встала передо мной, расстегнула мои шорты и села на корточки.

...

Все произошло очень быстро.

— Ну, ты и шустрый, — сказала она, вставая и облизывая губы. — Но это не страшно, не переживай, такое бывает.

Ира стянула с себя футболку. Быстро сняла шорты и трусики.

— Ложись! — Скомандовала она.

...

В шесть часов утра, меня полусонного, Ира чмокнула в губы, вылезла из кровати, оделась и вышла в окно. На прощание сказала: — До вечера!

Ира приходила ко мне каждый день ровно в полночь, а уходила в шесть. Единственными днями, когда она не приходила, были суббота и воскресенье. Все это длилось где-то полторы недели.

Как обычно утром, в шесть часов, Ира вылезла из кровати, чмокнула меня в губы, оделась: «Да, меня тут не будет недельку, так что не скучай».

Дни без Иры тянулись очень долго, я уже привык к ее приходу ко мне и совместным ночам. Я грустил, но скорее всего, не по Ире, а по тому, что она мне давала. Вообще, мы с ней были абсолютно разные: то, что было интересно мне, ее совершенно не интересовало. Понять, что было интересно ей, было невозможно, так как она всячески уходила от ответа на любой вопрос про нее. Для меня она все это время была девушкой-загадкой. Ира была таким бесенком, что все, к чему она прикасалась, становилось таким же безумным, как и она сама. Нас с ней объединяла только любовь к Deer Purple и постель, что, впрочем, устраивало нас обоих.

За все время, что я был в гипсе, я наловчился обходиться одним костылем. Я брал его под левую руку, опираясь на него телом, а левую ногу я поджимал и, перенося тяжесть с правой ноги на костыль, я передвигался. Хотя в основном я передвигался по квартире без костылей: я прыгал на одной здоровой ноге, ногу в гипсе поджимал, руками я хватался за стену, поддерживая равновесие.

Через неделю, в полночь, Ира появилась снова. Она всегда появлялась в полночь, как в «Золушке», только там все заканчивалось, а у меня наоборот, в полночь все только начиналось. Прошла еще одна неделя ночных свиданий с Ирой, она, как обычно, в шесть утра чмокнула меня в губы и упорхнула через окно. После бессонной ночи я проспал до четырех часов дня. Встал, принял душ и сел на кухне завтракать, и только в этот момент я заметил, что в окне кухни что-то изменилось. По началу я даже не понял, что именно произошло, но изменения были явно существенными. Я встал и дошел, а точнее, допрыгал, до окна, и только здесь, у

окна, я понял, в чем дело: исчезли строительные леса. Еще сегодня утром, когда Ира вылезла из окна комнаты, они были, сейчас их там не было. Понимая, какие последствия может принести отсутствие строительных лесов, я, в надежде, что там в спальне все по-прежнему, отправился в комнату, где я спал, но и там, за окном, строительные леса отсутствовали. Я высунулся в окно и посмотрел вниз, насколько мог перегнуться. В низу строительные леса еще были, но доходили они лишь до второго этажа.

Больше Иру я не видел. Она исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Еще через неделю после того, как ко мне перестала приходить Ира, у меня с ноги сняли гипс, и я начал учиться заново ходить. Оставшиеся дни я прожил в квартире Сергея.

Позже, когда Сергей вернулся из поездки со строительным отрядом, я описал ему Иру и спросил, знает ли он такую девушку.

— У нас в доме такой девушки нет точно. Я знаю всех в подъезде, а он, как ты заметил, у нас один, — ответил Сергей.

Меня долго не покидала мысль об Ире: откуда она взялась, чем она занималась? Со временем Иру я вспоминал все реже и реже, но даже спустя много лет мои мысли иногда возвращают меня в то жаркое лето, на улицу Землячка в Замоскворечье, в те бессонные ночи с безумным сексом, с такой же безумной девицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.